

В. П. ВЛАСОВ

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЛЕПНОЙ КЕРАМИКЕ КРЫМА РИМСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ

Около середины III в. н.э. в Крыму произошли события, повлекшие за собой кардинальное изменение этнокультурной ситуации. Их итогом явились гибель позднеримских поселений и появление совершенно новых могильников. Одна группа могильников, расположенная на Южном берегу Крыма, характеризуется совершением урновых и безурновых погребений по обряду кремации в ямах и каменных ящиках (Харакс/Ай-Тодор, Чатыр-Даг). Во второй, сосредоточенной в центральной (Дружное, Нейзац и др.) и юго-западной (Инкерман, Озерное III и др.) частях полуострова, хоронили по обряду ингумации в простых грунтовых и подбойных могилах, а также в склепах Т-образной планировки неизвестной прежде конструкции с коротким дромосом между входной ямой и камерой. На некрополях Чернореченском и Совхоз №10 в Юго-Западном Крыму открыты участки и с трупосожжениями, и с трупоположениями.

На основании специфического обряда захоронения, а также инвентаря, присущего вельбаркской, пшеворской и черняховской культурам, возникновение могильников первой группы большинство исследователей связывает с вторжением в Крым германцев, а распространение могильников второй группы объясняется переселением на полуостров различных сарматских племен, в том числе и северокавказских алан. Вывод об аланской принадлежности некрополей с ингумациями строился, главным образом, на сходстве крымских склепов с катакомбами Северного Кавказа, некоторых чертах погребальной обрядности, также известных еще только в Предкавказье и, в меньшей степени, на наличии отдельных соответствий в керамике двух регионов. В окрестностях Херсонеса, судя по биритуальному характеру могильников Черная речка и Совхоз №10, германцы, сарматы и аланы проживали совместно. Изложенная концепция этнополитической истории Крыма в III в. н.э. была принята многими специалистами и утвердилась в научной литературе [1, с. 188, 192, 193; 2, с. 64-66; 3, с. 98; 4, с. 295-298; 5, с. 27, 137-139, 145-147, 149; 6, с. 55; 7, с. 73-76; 8, с. 73-80; 9, с. 283-284; 10, с. 34; 11, с. 51; 12, с. 271].

Однако, если германская атрибуция крымских некрополей с сожжениями в настоящее время не вызывает возражений, то генетическая связь катакомбных могильников позднеримского времени с северокавказскими и, соответственно, этнокультурное родство оставивших их людей, недавно поставлены под сомнение. Поводом для пересмотра М.Г.Мошковой и В.Ю.Малашевым, казалось бы, устоявшегося положения послужили расхождения в деталях конструкции склепов и погребального обряда Крыма и Кавказа, а также полное несоответствие крымской и центрально-кавказской керамической посуды. В итоге, констатируют авторы, "связь ... материалов из Крыма с памятниками Северного Кавказа представляется весьма проблематичной" [13, с. 195-197].

Как видно, отсутствие преемственности между памятниками указанных регионов обосновывается теми же самыми элементами материальной культуры, которыми доказывается их генетическая близость. Наличие диаметрально противоположных точек зрения вынуждает вновь обратиться к проблеме аланского присутствия в Крыму. Совершенно очевидно, что сравнительный анализ сходных и отличительных признаков конструкции крымских и северокавказских склепов, а также зафиксированного в них погребального обряда должен стать предметом отдельного и самого тщательного исследования. В равной степени это относится и к керамическим комплексам Крыма и Кавказа. В предлагаемой же работе речь пойдет лишь о тех образцах крымской лепной керамики (далее – ЛК), которые избирательно обнаруживают преимущественные или же единственные прототипы и аналогии в керамике Предкавказья¹. Однако прежде чем приступить к их рассмотрению, следует сделать ряд замечаний и комментариев.

М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев отрицают аланскую атрибуцию лощеной посуды из крымских склепов на том основании, что, во-первых, вся она лепная, тогда как кавказская – гончарная, а во-вторых, потому что морфология керамики из памятников Крыма и Центрального Кавказа не имеет между собой ничего общего. Не решаясь делать окончательных выводов по одним только рисункам, предположительно северокавказскими по происхождению авторы признают всего 2 крымских экземпляра (лепной и гончарный кувшины) из склепа 1 некрополя Озерное III [13, с. 196-197]. Попытаемся разобраться в состоятельности выдвинутых М.Г.Мошковой и В.Ю.Малашевым аргументов, поскольку наличие на полуострове пусть даже и одного лепного сосуда, выполненного в северокавказских традициях, ими все же допускается.

Спецификой крымских катакомбных могильников позднеримского времени является наличие в них довольно большого количества разнообразной керамической посуды, от 45 до 75% которой, особенно в погребениях IV в. н.э., приходится на лепную [15, с. 146; 16, с. 322]. Именно это обстоятельство служит первым аргументом против ее аланской принадлежности, поскольку "... начиная с III-II вв. до н.э. на территории Центрального Кавказа посуда изготавливалась почти исключительно с использованием гончарного круга" [13, с. 197]. Следует признать, что без непосредственного ознакомления с северокавказской керамикой, получить адекватное представление о том, в какой технике она изготовлена, конечно же, невозможно и в такой ситуации приходится лишь доверять тем сведениям, которые предоставляют изучавшие эту керамику исследователи. А сведения эти неоднозначны.

Так, общий тезис о массовом производстве и господстве на Северном Кавказе гончарных сосудов в раннем средневековье является вполне правомерным, в чем лишний раз убеждают и недавно изданные книги В.Ю.Малашева, специально посвященные посуде из могильников Клин-Яр III и Мокрая Балка [17; 18]. Правда, упоминание о присутствии среди неорнаментированных "высоких кружек" конца V – первой половины VI вв. н.э. из Клин-Яра III неощеных образцов достаточно грубой выделки [17, с. 17, рис. 4,1,2] не исключает того, что какую-то часть керамической продукции в указанное время еще продолжали формовать ручным способом. Подтверждают это и наблюдения В.А.Кузнецова: абсолютное преобладание сосудов, изготовленных на гончарном круге, фиксируется в Предкавказье не ранее VII в., когда облик местной керамики ощутимо

¹ Гончарные сосуды северокавказского производства, например, кувшин из склепа 1 могильника Озерное III [14, с. 243-244, рис. 5,13] и кружка из некрополя Тас-Тепе [58, с. 32-33, рис. 4,1] в работе не рассматриваются, поскольку эти единичные экземпляры могли появиться на полуострове в результате обмена или торговли. Лепные же сосуды, как правило, изготавливались на месте, причем массово, поэтому их сходство с центрально-кавказскими не может объясняться случайным совпадением или простым подражанием, а скорее всего, указывает на этнокультурное родство производивших эту посуду людей.

изменился по сравнению с изделиями IV-VI вв. н.э., которые были преимущественно лепными [19, с. 60, 83, 108]. Давая общую характеристику керамическому комплексу северокавказских алан III-V вв. н.э., М.П.Абрамова отмечала, что среди кувшинов, кружек и мисок распространились высококачественные тонкостенные образцы, сделанные на гончарном круге из хорошо отмученной глины. При этом наряду с ними бытовали и сосуды более низкого качества, характеризующиеся ранними функциями использования гончарного круга, что было свойственно керамике предшествующего времени [20, с. 111].

Выясняя технико-технологические особенности сосудов Предкавказья более раннего периода, мы обратились к соответствующим работам М.П.Абрамовой. В главе тома Археологии СССР "Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время", посвященной Центральному Кавказу в сарматскую эпоху, о керамике III-I вв. до н.э. сказано, что "многие сосуды сделаны на гончарном круге (в виде поворотного столика), но есть и лепные горшки". Большая часть посуды I – начала II вв. н.э. "сделана с использованием гончарного круга в виде поворотного столика, лишь единичные экземпляры можно отнести к настоящей круговой керамике. Особую группу составляют сосуды, сделанные от руки". Во II-III вв. н.э., по мнению исследовательницы, доля круговой керамики увеличилась, а лепной – уменьшилась [21, с. 275, 278, 279].

В монографии, обобщающей результаты изучения северокавказских памятников сарматского периода, о технике изготовления местной посуды М.П.Абрамова приводит следующие данные. Керамику III-I вв. до н.э., в целом, отличает не очень высокое качество; как правило, сосуды делались от руки, но большая их часть имеет признаки использования гончарного круга – следы подставки на дне либо следы заглаживания верхней части [22, с. 39]. Однако на следующей странице можно прочесть фразу, которая явно противоречит предыдущей: "поскольку вся рассматриваемая керамика сделана от руки, она отличается разнообразием" [22, с. 40]. Для периода I – начала II вв. н.э. "... лишь небольшую часть сосудов можно назвать лепными, в большинстве своем они делались от руки с использованием гончарного круга" [22, с. 133]. Указания на присутствие в керамических материалах Предкавказья III в. до н.э. – III в. н.э. как собственно лепных сосудов, так и экземпляров, сформованных вручную, а впоследствии лишь подправленных на гончарном круге в виде поворотного столика, неоднократно встречаются в разных местах работы, причем нередко эти сосуды численно преобладают внутри отдельных, в том числе и самых массовых видов керамики – кувшинов, кружек и мисок [22, с. 42, 49, 53, 133, 141, 145].

Приведенные выше сведения позволяют заключить, что керамический комплекс некрополей Северного Кавказа с III-I вв. до н.э. по V-VII вв. н.э. состоял из 2-х технико-технологических групп сосудов: лепных и гончарных. На раннем этапе лепные сосуды преобладали, возможно, что и абсолютно, но с I-II вв. н.э. наметилась тенденция к уменьшению их удельного веса и повышению доли гончарных. К сожалению, динамика этой эволюции и процентное соотношение изделий обеих групп в отдельные хронологические периоды остаются невыясненными.

Относительно керамики, сделанной с применением поворотных столиков или подставок, которую М.П.Абрамова с оговорками, а М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев однозначно называют гончарной, отметим следующее. Среди специалистов нет единства в решении данного вопроса: такую керамику квалифицируют либо как гончарную, но относящуюся к начальным этапам развития функций гончарного круга [23, с. 27; 24, с. 17], либо как лепную [25, с. 16-17; 26, с. 63; 27, с. 55]. Мы разделяем взгляды тех керамистов, которые полагают, что собственно гончарная посуда ("настоящая круговая" по определению М.П.Абрамовой) от начала и до конца изготавливается непосредственно на гончарном круге (от помещения на рабочий диск формовочной массы до снятия с него готового изделия). Поворотные же столики или подставки, которые иногда называют "медленным" гончарным кругом, вплоть до недавнего времени применялись керамистами для удобства и

облегчения ручной лепки сосудов, а также для их последующей подправки и сглаживания. Эти столики и подставки были предшественниками гончарного круга в полном смысле слова, являясь более совершенными специализированными техническими приспособлениями, которые пришли на смену использовавшимся плоским камням, обрезкам досок, подстилкам из кож, шкур и тканей, а также практике подсыпания песка или подкладывания травы под дно выделяемого сосуда для предотвращения его прилипания к рабочей поверхности и обеспечения поворачиваемости вокруг своей оси.

Таким образом, аргумент о полном несоответствии уровней технико-технологического развития керамического производства в Крыму и на Кавказе нам представляется не очень убедительным. Но даже если бы между крымской и центрально-кавказской керамикой и существовали бы принципиальные различия в технике изготовления, решающего значения этот фактор все равно не имел бы. Главным критерием в данном случае выступает совпадение формы, правда при том условии, что круг аналогий сравниваемых сосудов не очень широк и не охватывает географически удаленные территории. Именно сходство формы предметов теснейшим образом связано с их культурной и пространственно-временной принадлежностью, являясь наиболее информативным признаком при этнокультурной идентификации изготовлявшего эти предметы населения [28, с. 52, 56].

Как видно, комментарии о технике производства крымских и кавказских сосудов подвели нас к рассмотрению второго аргумента М.Г.Мошковой и В.Ю.Малашева – об отсутствии общности в их морфологии. Определенный смысл в скептической позиции исследователей, безусловно, имеется, поскольку, в целом, наборы керамических форм двух регионов действительно различны, но все же общая категоричность их суждений принята быть не может. Во-первых, напомним, что М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев не исключают северокавказское происхождение лепного кувшина из Озерного III, а на его генезис, о чем будет сказано в классификационной части работы, однозначно указывают как орнаментация, так и морфология. Во-вторых, в значительной мере именно по морфологическому критерию устанавливалось сходство, а на этом основании и генетическое родство изделий из Крыма и Кавказа не одним, а несколькими исследователями. В этой связи, в кратком историографическом экскурсе будет уместно показать, как вообще решался вопрос об этнокультурной идентификации ЛК крымских памятников позднеримского времени.

Изделия из склепов и подбойных могил III-IV вв. н.э. Инкермана Е.В.Веймарн расценивал как местные лепные сосуды, которые, принимая во внимание отмеченное им разнообразие могильных сооружений и погребального обряда, должно было производить смешанное, по преимуществу сарматское население, частично ассимилировавшее тавров Инкерманской долины [29, с. 236-237].

Подбор морфологических соответствий лепным кувшинам, кружкам и мискам из Озерного III показал их близость сосудам соседнего Инкерманского могильника, сармато-меотского могильника у станицы Усть-Лабинская в Прикубанье, а также центрально-крымских позднескифских городищ Кермен-Кыр и Неаполь. Совокупность всех особенностей погребального обряда и инвентаря позволила И.И.Лободе соотнести погребения некрополя с сарматским населением Нижнего Поволжья и Прикубанья [14, с. 250, 251, 252].

Опубликовавшие несколько экземпляров посуды из склепов Нейзаца Т.Н.Высотская и О.А.Махнева обнаружили им, в основном, боспорские аналогии, при единичных нижеволжских, северкавказских и нижедонско-прикубанских сарматских, а также крымских (Неаполь, Озерное III) параллелях, связав возникновение некрополя с продвигавшимися с территории Боспорского царства сарматами [30, с. 75-78, 79].

Рассмотрев ЛК могильников Юго-Западного Крыма (Инкерман, Озерное III, Совхоз №10, Чернореченский, Скалистинский), И.С.Пиоро прямо указал на сходство ряда ее

образцов из комплексов не только позднееримского, но и раннесредневекового времени с посудой северокавказских алан. По его мнению, оно проявляется как по форме сосудов, так и по наличию зооморфных ручек (скульптурки на их верхней части и отростки в виде стилизованных лап животных от их нижних концов). Вместе с тем, И.С.Пиоро подчеркнул, что часть изделий не находит сармато-аланских аналогий и близка северо-фракийским [5, с. 149-153]. Почти к такому же заключению позднее пришел и С.В.Ушаков. Добавив к тем сосудам, которые анализировал И.С.Пиоро несколько новых из Совхоза №10, он сделал лишь акцент на явном преобладании экземпляров сармато-аланского круга [15, с. 152-153].

После появления публикации о результатах раскопок А.И.Айбабина на некрополе Дружное в 1984 г. [3], выяснилось, что здесь также присутствует лепная посуда, обнаруживающая аналогии в Предкавказье. Однако М.Г.Мошкова и В.Ю.Малашев выразили сомнение в правильности ее этнокультурной атрибуции и, кроме того, из их формулировок складывается впечатление, что А.И.Айбабин считает типичной для аланских катакомб Северного Кавказа абсолютно всю пощеную ЛК из камерных могил Крыма [13, с. 196-197]. Отметим, что в статье, посвященной друженским материалам, на которую ссылаются московские авторы, особо оговорено, что для аланских катакомб Северного Кавказа типичны "некоторые... пощенные керамические сосуды..." и конкретно речь шла только о 4-х изделиях (кружке, кувшинах и горшке) из 26-ти лепных сосудов, зачищенных всего в одном склепе (№1/1984) [3, с. 90, 96-97, 98, рис. 8,1,65; 15,1,2]. Справедливая критика могла бы прозвучать в адрес Т.Н.Высотской, пожалуй, единственной из исследователей, которая сделала однозначный, хотя и неверный вывод о полном тождестве крымских образцов посуды из катакомб Совхоза №10 с северокавказскими аланскими [12, с. 263-266, 271]. М.Г.Мошковой и В.Ю.Малашеву данная работа Т.Н.Высотской известна, поскольку на нее сделана ссылка [13, с. 195], однако та ее часть, которая посвящена ЛК, почему-то оставлена ими без внимания.

Из приведенных данных видно, что попытки культурной атрибуции крымской ЛК позднееримского и раннесредневекового времени приводили исследователей к заметному расхождению взглядов. Не оценивая сейчас личный вклад всех названных выше авторов в решение поставленной задачи, ограничимся замечанием, которое, в той или иной мере, отнесется к каждому из них. По причине малочисленности ЛК позднееримского времени (к концу 1980-х гг. она исчислялась всего несколькими десятками единиц, тогда как сейчас – более чем тысячью), а также из-за отсутствия надлежащего методического подхода при ее изучении и недостатке опубликованных северокавказских материалов, многие из сделанных выводов оказывались искаженными, а нередко и ошибочными.

Прояснить ситуацию с этнокультурным обликом лепных керамических находок из некрополей Крыма позднееримского времени позволили дальнейшие работы на могильнике Дружное. Учитывая то обстоятельство, что его сохранившаяся часть исследована полностью, комплекс друженской ЛК приобретает первостепенное значение поскольку, в определенной мере, он может считаться эталонным для памятников данной культурно-хронологической группы. И.Н.Храпунов, который возглавил экспедицию, проводившую планомерные раскопки в Дружном после А.И.Айбабина, справедливо обратил внимание на то, что комплекс лепной посуды этого некрополя представляет собой уникальное явление и не сводим ни к одной из известных керамических традиций. При этом структурно, по преобладанию мисок, кувшинов и кружек, а отчасти и типологии этого, он наиболее близок северокавказскому [31, с. 260-261; 7, с. 74, 75; 32, с. 90; 8, с. 76-77]. Расширить представление об этнокультурных особенностях друженских изделий позволил анализ образцов из отдельных комплексов могильника [33, с. 261, 262; 34, с. 253-254], а изучение всего массива ЛК, после завершения раскопок памятника, дополнило и конкретизировало полученные ранее выводы. Так, было установлено, что набор из 432 обнаруженных здесь сосудов представлен несколькими гетерогенными группами, имеющими разный удельный

вес. Первое место среди них делят “этнически нейтральные” сосуды, а также сосуды, которые либо вообще не обнаруживают аналогий, либо иногда встречаются в некоторых других крымских некрополях III-IV вв. н.э. (по 90 экз./20,8%). При этом вторую позицию занимает посуда, для которой наиболее вероятны северокавказские истоки (49 экз./11,3%) [16, с. 352-353].

Сравнительно-типологический анализ ЛК Крыма сарматской эпохи (III в. до н.э. – IV в. н.э.), проведенный на значительно более широкой источниковой базе, позволил выявить сосуды этой же культурной группы не только в могильниках позднееримского времени, где они насчитывают 74 экз./14,7% [35, с. 18], но и в материалах некоторых античных и варварских памятников более раннего и более позднего периодов. Характеристике этих сосудов и посвящена данная работа. За исключением 4-х кружек и 4-х кувшинов из могильника Нейзац (раскопки И.Н.Храпунова в 1996 г.), они уже введены в научный оборот. Мы сознательно ограничились в основном опубликованными находками, поскольку, во-первых, этим обеспечивается открытость и проверяемость нашей работы, а во-вторых, еще и потому, что многие из этих изделий давно известны, но далеко не все они атрибутированы должным образом. Как представляется, сведения воедино и пространственно-временной анализ крымской ЛК, которая имеет северокавказское происхождение, позволит выяснить время ее первоначального появления и дальнейшего бытования, а также определить последовательность, динамику и пути проникновения на полуостров как готовой посуды, так и традиций ее изготовления из исходного района. Для наглядности степени соответствия крымских и центрально-кавказских сосудов, сопровождающие текст статьи графические иллюстрации оформлены в виде сравнительно-типологических таблиц с образцами из двух регионов².

Ученная ЛК (113 экз.) представлена посудой 4-х категорий (кружки, кувшины, ковши и корчагообразный сосуд), расположенных в порядке убывания численности отнесенных к ним изделий. Если оценивать качество этой ЛК в целом, то среди нее имеются как безукоризненно выполненные сосуды, которые легко можно принять за гончарные, так и экземпляры, отличающиеся небрежностью выделки и заметной асимметрией. Обжиг сосудов неравномерный: преобладают изделия однотонной серой, черной и коричневой окраски, реже встречаются такие, поверхность которых покрыта серыми, черными, коричневыми и красными пятнами. Стенки большинства сосудов носят следы тщательного лощения, хотя имеются и слегка подлощенные, а то и вовсе нелощенные – слабо сглаженные изделия. Специальный петрографический анализ ЛК не проводился, но при визуальном осмотре образцов из Дружного, Нейзаца и Озерного III бросается в глаза одна специфическая черта – обилие в составе их теста измельченной ракушки. Эта черта не встречается в ЛК предшествующих археологических культур Крыма (кизил-кобинской, ранне- и позднекифской) и появившись в позднееримское время, она становится своего рода культурно-хронологическим индикатором новых памятников. Примечательно, что включение большого количества мелких известковых частиц в керамическое тесто было характерно и для северокавказских изделий сарматской эпохи [22, с. 39].

² Во-первых, оговоримся, что северокавказские аналогии для крымских изделий были подобраны путем сравнения не реальных сосудов, а их изображений в публикациях. Осознавая известную “ущербность” такого подхода, когда неточность воспроизведенных в рисунке сосудов может повлиять на достоверность полученных выводов, отметим, что он продиктован недоступностью северокавказских материалов. Во-вторых, полное морфологическое тождество крымских и северокавказских сосудов наблюдается не во всех случаях. Но это и естественно, поскольку традиционные формы, соответствовавшие нормам того или иного древнего общества, придавались сосудам (в особенности лепным) лишь в самом общем виде, тогда как многие морфологические и конструктивные детали жесткого стандарта не имели. Именно поэтому, даже внутри относительно однородных керамических комплексов нет совершенно одинаковых, идентичных сосудов [68, с. 27].

При группировании ЛК использована морфологическая классификация, основанная на учете сходства и отличия формы сосудов [66, с. 115; 67, с. 18], которая, как уже говорилось, взаимосвязана с их культурной и пространственно-временной принадлежностью. Поскольку принципы этой схемы уже излагались [16, с. 337, 334, 349, 350; 35, с. 5-7], приведем лишь самые общие ее положения. Внутри категорий типы сосудов выделены по форме (абрису) тулова, отличающиеся пропорции которого образуют подтипы (подтип 1 – с приземистым туловом; подтип 2 – с туловом средних пропорций; подтип 3 – с вытянутым туловом). Варианты типов выделяются по особенностям морфологии горла сосудов (вариант А – с гиперболоидным горлом; вариант В – с расширяющимся усеченно-коническим горлом; вариант С – с цилиндрическим горлом), но в категории кувшинов дополнительно еще учтен признак его относительной высоты (1 – с низким горлом; 2 – с горлом средней высоты; 3 – с высоким горлом). Описание декора и конструктивных особенностей сосудов приводится параллельно с описанием морфологических типов.

КРУЖКИ (68 экз.)

Тип 1. (16 экз.). С расширенным в нижней части овалоидным туловом и усеченно-коническим горлом.

Подтип 1. (9 экз.). С приземистым туловом. Сосуды III в. н.э. с невыделенным дном и на кольцевом поддоне обнаружены на боспорских поселениях Семеновка (табл. I, 1,2) [36, рис. 31,7; 37, с. 26, рис. 18,5; 24,1] и могильнике Ново-Отрадное (табл. I,3) [38, с. 106, 107, рис. 6], а также на некрополях позднеримского времени Центрального и Юго-Западного Крыма: в склепах IV в. н.э. Дружного (табл. I,7,8) [16, с. 345, рис. 13,3-5,9; 8, с. 16, 26, 27, 36, 63, 67, 69-70, рис.70,7; 134,18; 139,6; 205,13] и в материалах Мангуша (табл. I,6) [39, с. 30, табл. 50,4].

Подтип 2. (7 экз.). С туловом средних пропорций. Сосуды II-III вв. н.э. с выделенным и невыделенным дном происходят из могилы и тризны некрополя Фронтное II (табл. I,10,11) [40, с. 50, рис. 5,8,12], слоя Тиритаки (табл. I,12) [41, с. 73, табл. XX,6], помещений Семеновки [36, рис. 30, 7], материалов могильников Бельбек IV и Неапольского (табл. I,13,14) [39, с. 29, 30, табл. 49,14; 50,6], а также склепа IV в. н.э. Дружного (табл. I,15) [16, с. 345, рис. 13,8; 8, с. 28, 63, 69-70, рис. 139, 6].

Кружки, аналогичные сосудам подтипа 1, с III-I вв. до н.э. по I – первую половину II вв. н.э. использовались в качестве инвентаря Чегемского и Подкумского могильников (табл. I,4,5,9) [22, с. 47, 49, 138, 141, рис. 13,22; 52,3; 53,24], а подтипа 2 – в погребениях I – начала II вв. н.э. Подкумка (табл. I,16) [22, с. 141, рис. 53,14].

Тип 2. (8 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в вертикальной плоскости.

Вариант А. С гиперболоидным горлом. Сосуд с невыделенным дном и низкопосаженной ручкой обнаружен в неапольской могиле I-II вв. н.э. (табл. II,2) [43, с. 67, 80, табл. III,2].

Вариант В. (7 экз.). С усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами с невыделенным дном и на кольцевом поддоне из погребений II – начала III вв. н.э. могильников Неапольского (табл. II,1) [42, с. 112, рис. 45,10] и Скалистое III (табл. II,3) [39, с. 30, табл. 50,7], а также из захоронений второй половины III-IV вв. н.э. некрополей Заморское [44, с. 37, рис. 6,8], Дружное (табл. II,5,6) [16, с. 345, рис. 13,7,6; 8, с. 26, 34, 63, 69, 71, рис. 85,4; 187,6] и Нейзац (табл. II,7). Кружки из Неаполя и Скалистого III снабжены низкопосаженными ручками, а от ручки одного друженского сосуда отходят рельефные отростки.

Прямой аналог скалистинскому экземпляру происходит из комплекса I – начала II вв. н.э. Ханкалы (табл. II,4) [22, с. 141, рис. 53,15], а кружка, соответствующая остальным изделиям, зафиксирована в погребении III в. н.э. Хумаринского могильника (табл. II,8) [20, с. 48, 112, рис. 68,11].

Не имеющие позднескифских прототипов сосуды типа 2 с низкососяженными ручками отражают приток в Крым в I-III вв. н.э. нового, вероятнее всего, сарматского населения из Предкавказья. Кружки III-IV вв. н.э. снабжены высокопосаженными ручками и также имеют аналоги на Северном Кавказе. Боспорский экземпляр, очевидно, маркирует путь проникновения этих сосудов в Центральный Крым. При этом в их составе бесспорно северокавказские корни имеют лишь 2 сосуда, тогда как изделие на кольцевом поддоне сочетает кавказские и античные черты, а экземпляр с отрезками от ручки специфичен для крымской ЛК позднеримского времени.

Тип 3. (6 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости.

Вариант А. С гиперболоидным горлом. Представлен кружкой с невыделенным дном из сарматского подкурганного погребения у с. Емельяновка в Присивашье. Основание ее горла и средняя часть тулова украшены 2-мя группами параллельных горизонтальных врезных линий, а на верхнем изгибе низкососяженной ручки расположен слабо выраженный рельефный выступ (табл. II, 9) [45, с. 69, 174, рис. 35,3]. С.Г.Колтухов и Г.Н.Тоцев датируют данный комплекс I в. до н.э. – I в. н.э., но по исследованиям А.В.Симоненко, первые сарматские погребения в северо-крымской степи появились не ранее I – первой половины II вв. н.э. [59, с. 116, 117].

По форме и орнаментации кружка из Емельяновки имеет практически идентичные параллели из погребений III-I вв. до н.э. и I – начала II вв. н.э. могильников Чегем (табл. II, 10-12), Нижний Джулат и Бамут [22, с. 47-49, 138, рис. 13,26,28; 52,9].

Вариант С. (5 экз.). С цилиндрическим горлом. Представлен сосудами с невыделенным дном из материалов III в. н.э. поселения Семеновка [36, рис. 32, 17], а также из погребений IV в. н.э. некрополя Дружное (табл. II, 13-15) [16, с. 346, рис. 13,22-24,21; 8, с. 33, 34; 36, 63, 70,71-72, рис. 173,9; 179,6; 187,5; 203,3].

Тожественное крымским изделие с зооморфной ручкой известно в погребении I – начала II вв. н.э. Подкумского могильника (табл. II, 16) [22, с. 138, рис. 52,6].

Тип 4. (18 экз.). Со сферическим туловом, широкогорлые.

Вариант В. (16 экз.). С усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами конца II-III вв. н.э. с выделенным и невыделенным дном из Илурата (табл. III, 12) [41, с. 88, табл. XXVIII,9] и Семеновки [36, рис. 31, 14; 32,6], грунтовой могилы и склепов IV в. н.э. Озерного III (табл. III, 3, 13) [14, с. 236, 244, 247, рис. 1, 1; 5, 16; 6, 10], а также из скопления посуды,³ подбойных могил и склепов второй половины III-IV вв. н.э. некрополя Дружное (табл. III, 1, 2, 6-8, 10, 11) [16, с. 347, рис. 14, 1, 3-7; 8, с. 17, 18, 20, 21, 24-25, 29, 32, 33, 63, 67, 68, 70, 71, рис. 79, 11; 83, 1; 98, 1, 3; 105, 1; 128, 1; 153, 3; 161, 1; 173, 6; 176, 1].

Вариант С. (2 экз.). С цилиндрическим горлом. Изделия с невыделенным дном известны в материалах III в. н.э. Семеновки (табл. III, 15) [36, рис. 32, 19] и в подбойной могиле первой половины IV в. н.э. Озерного III (табл. III, 16) [14, с. 238, рис. 1, 9].

Кружки варианта В весьма многочисленны в погребениях I – первой половины III вв. н.э. Чегема и Подкумка (табл. III, 4, 5, 9, 14) [22, с. 138, 141, 160, рис. 52, 4, 5; 53, 19-21, 25; 63, 11], а сопоставимая с нашим вариантом С найдена в комплексе II – первой половины III вв. н.э. могильника Острый Мыс (табл. III, 17) [22, с. 160, рис. 63, 14].

Тип 5. (20 экз.). Со сферическим туловом, узкогорлые.

Вариант А. (2 экз.). С гиперболоидным горлом. Такие кружки происходят из склепа и подбойной могилы IV в. н.э. Дружного (табл. IV, 1, 2) [16, с. 347, рис. 14, 12, 11; 8, с. 18, 25, 63, 68, рис. 86, 4; 132, 2].

³ В ходе раскопок, на отдельных участках некрополей Дружное и Нейзац были выявлены скопления посуды (лепной, краснолаковой и, реже – стеклянной), вероятно, связанные с какими-то ритуальными действиями. Иногда, в тех случаях, когда материк залегает неглубоко от современной дневной поверхности, удается зафиксировать, что сосуды ставили в специально выкопанные цилиндрические ямы, но чаще всего контуры ям не прослеживаются.

Вариант В. (18 экз.). С усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами с невыделенным дном и на скрытом кольцевом поддоне из комплексов второй половины III-IV вв. н.э. могильников Инкерман [46, с. 32, рис. 14,8], Суворово [47, с. 108, рис. 59], Нейзац (табл. IV,4-6) и Дружное (табл. IV,7-9) [3, с. 90, 97, рис. 8,1; 16, с. 347, рис. 14,8-10; 8, с. 15, 17, 19, 23, 29, 34, 68, 70, рис. 70,9; 78,9; 87,3; 119,9; 139,7; 150,3; 185,3], а также погребений первой половины V-VII вв. н.э. некрополей Лучистое (табл. IV,12) [48, с. 14, рис. 9,4], Инкерман (табл. IV,11) [46, с. 29, рис. 14,9] и Скалистое (табл. IV,13) [49, с. 95, 101, 192, 193, рис. 66,26; 74,9].

Кружки обоих вариантов зафиксированы в комплексах I – начала II вв. н.э. Нижне-Джудатского и Подкумского могильников (табл. IV,3,10) [22, с. 141, рис. 53,17,18]. Помимо сходной формы, кавказские и крымские кружки варианта В имеют скрытый кольцевой поддон. В Крыму практика такого оформления дна широко использовалась при отделке сосудов из могильников позднееримского времени центральной и юго-западной частей полуострова, а впервые, судя по публикациям, она появилась на Европейском Боспоре в III в. н.э. [37, рис. 41,5; 41, табл. XXXII,2].

КУВШИНЫ (35 экз.)

Тип 1. (11 экз.). С расширенным в нижней части овалоидным туловом.

Подтип 2. (6 экз.). С туловом средних пропорций.

Вариант А1. (2 экз.). С низким гиперболоидным горлом. Сосуды с выделенным дном и на скрытом кольцевом поддоне происходят из склепов IV в. н.э. могильника Дружное (табл. V,1,2) [3, с. 92, 96-97, рис. 15,2; 16, с. 338, рис. 8,8,11; 8, с. 36, 64, 71, рис. 197,4]. Нижний конец ручки одного сосуда, от которого отходят рельефные отростки, прикреплен посредством шипа, вставленного в сквозное отверстие стенки тулова.

Все известные нам кувшины такой конфигурации сосредоточены в могилах I – начала II вв. н.э. Железноводска, Нижнего Джудата и Чегема (табл. V,4,5) [22, с. 134, 138, рис. 49,1,2,18; 52,16]. Подчеркнем также и то обстоятельство, на которое, кстати, мало обращают внимание, что крымские и северокавказские кувшины объединяет использование своеобразного способа крепления ручки (при помощи шипа/штифта), которое традиционно отличало сосуды Центрального Предкавказья разных периодов [22, с. 44; 20, рис. 50,13,14]. Исследователи Зилгинского городища отмечают, что все ручки на посуде этого памятника крепятся штифтом (через пробой в стенке) в своей верхней части. В Крыму такое крепление имеют далеко не все сосуды и, кроме того, обычно их ручки крепятся не верхним, а нижним концом. В нашей коллекции представлен всего 1 кувшин подобного рода, хотя в могильниках позднееримского времени их гораздо больше, но опубликованы лишь образцы из Дружного [8, рис. 69,14; 16, с. 343, рис. 11,12] и Вишневого [58, с. 33, рис. 10,3,9]. По данным И.А.Аржанцевой и Д.В.Деопика, происхождение этой традиции неясно и помимо Кавказа она еще известна в низовьях Сырдарьи [57, с. 83]. Судя по рисунку, похоже, что таким же образом крепилась ручка кувшина из могилы IV в. н.э. №225 некрополя Танаиса [54, с. 119, табл. XXI, 1].

Вариант В2. (3 экз.). Со средней высоты усеченно-коническим горлом. Сосуды с невыделенным дном и на кольцевом поддоне встречены в склепах IV в. н.э. Дружного (табл. V,3) [3, с. 90, 96, рис. 12,4; 16, с. 338, рис. 8,10; 8, с. 28, 64, 69-70, рис. 136,5], а также среди крайне редкой ЛК из некрополя I-IV вв. н.э. Херсонеса [50, с. 81-82, рис. 53,6]. Тулово херсонесского кувшина орнаментировано вертикальными вдавленными полосами, что было свойственно северокавказским художественно-стилистическим канонам.⁴ На кавказской посуде вертикальные полосы обычно были пролощенными, реже – врезными [Абрамова 1993, с. 44, 160, рис. 8,8; 9,13; 63,7].

⁴ В монографии В.М.Зубаря прорисовка данного кувшина отсутствует, а помещенное фото имеет не очень высокое качество, поэтому его изображение в сравнительно-типологической таблице не приводится.

Неорнаментированный кувшин, подобный описанным, присутствовал в одной из катакомб III-V вв. н.э. у селения Алды близ Грозного (табл. V,6) [20, с. 10, рис. 7,10].

Вариант С1. С низким цилиндрическим горлом. Миниатюрный сосуд на скрытом кольцевом поддоне и с горлом в виде слива найден в подбойной могиле IV в. н.э. Дружного (табл. V,13) [16, с. 338, рис. 8,15; 8, с. 25, 64, 69, рис. 131,2].

Аналогичный кувшин, но без слива происходит из погребения I – начала II вв. н.э. Чегема (табл. V,14) [22, с. 141, рис. 53,13].

Подтип 3. (5 экз.). С вытянутым туловом и низким усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами с невыделенным и, в одном случае, с вогнутым дном из могилы I в. н.э. некрополя Золотое (табл. V,12) [51, с. 103, табл. XXV,3], поселения III в. н.э. Семеновка [36, рис. 32,15], погребений IV в. н.э. Суворово (табл. V,7) [47, с. 108, рис. 59] и Нейзаца (табл. V,8), а также могилы VI-VII вв. н.э. некрополя Суук-Су (табл. V,9) [6, рис. 2,77]. От ручки нейзацкого кувшина отходят короткие рельефные отростки.

Сходная посуда найдена в погребении III-I вв. до н.э. у станицы Суворовская и в комплексе I – начала II вв. н.э. Подкумского могильника (табл. V,10,11) [22, с. 42, 134, рис. 9,26; 49,22].

Тип 2. (4 экз.). С вытянутым эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в вертикальной плоскости и низким гиперболоидным горлом. Представлен сосудами с невыделенным дном из находок II-III вв. н.э. могильника Неаполя (табл. VI,1) [39, с. 29, табл. 49,7], а также изделиями IV в. н.э. из некрополей Совхоз №10 (табл. VI,2) [5, с. 150, рис. 40,2] и Дружное (табл. VI,3) [16, с. 339, рис. 9,2,3; 8, с. 21, 26, 64, 68, рис. 99,5; 131,3]. Кувшин из Совхоза №10 имеет низкопосаженную ручку.

Им обнаружены параллели III-I вв. до н.э. и III-IV вв. н.э. из станицы Терской и Владикавказ (табл. VI,4,5) [22, с. 42, рис. 9,25; 20, с. 21-22, 108, рис. 67,2].

Тип 3. (5 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости.

Вариант А2. (2 экз.). С гиперболоидным горлом средней высоты. Сосуды с невыделенным дном найдены в погребении IV в. н.э. склепа №1/1984 Дружного (табл. VI,6,7) [3, с. 91, 92, 96, 97, рис. 11,7; 15,1].

Вариант В2. (3 экз.). Со средней высоты усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами IV в. н.э. с невыделенным дном из могильников Озерное III (табл. VI,10) [14, с. 242-243, 251, рис. 5,7] и Дружное (табл. VI,11) [16, с. 339, рис. 9,9; 8, с. 27, 29, 64, 69, 70, рис. 135,12; 153,6]. Кувшин из Озерного III, как и херсонесский типа 1 (подтип 2, вариант В2), украшен вертикальными вдавленными линиями, а от ручки друженского экземпляра отходят короткие рельефные ребра.

Типологически близкие кувшины обоих вариантов довольно многочисленны в погребениях Ханкалы, Чегема, Железноводска, Нижнего Джулата и Алды, совершавшихся с III-I вв. до н.э. по III-IV вв. н.э. (табл. VI,8,9,12-14) [22, с. 42, 134, 158, рис. 9,13; 49,7,8,12,13; 20, с. 108, рис. 67,13].

Тип 4. (8 экз.). Со сферическим туловом.

Вариант А2. (3 экз.). С гиперболоидным горлом средней высоты. Представлен сосудами I в. н.э. из некрополей Золотое (табл. VII,2) [51, с. 106, табл. XXXV,6] и Неапольского (табл. VII,1) [39, табл. 21,1; 43, с. 71, 80, табл. III,3], а также второй половины III в. н.э. из Дружного (табл. VII,5) [16, с. 340, рис. 9,17; 8, с. 24, 64, 69, рис. 122,5]. Кувшин из Неаполя снабжен низкопосаженной ручкой и кольцевым поддоном, а горла сосудов из Золотого и Дружного имеют слив.

Вариант С2. (5 экз.). С цилиндрическим горлом средней высоты. Представлен сосудами второй половины III-IV вв. н.э. с невыделенным дном, один из которых имеет выступ на ручке, из склепов Дружного (табл. VII,8,10) [16, с. 340, рис. 10,3,2; 8, с. 30, 34, 64, 70, 71, рис. 163,4; 187,3] и Нейзаца (табл. VII,9), а также из склепов IV – первой половины

V вв. н.э. Скалистого (табл. VII, 11) [49, с. 101, 192, рис. 74,6] и Инкермана (табл. VII, 12) [46, с. 40, рис. 14,6].

Аналогии варианту А распределяются следующим образом. Неапольскому экземпляру идентичны сарматские кувшины III-I вв. до н.э. из Поволжья [52, рис. 12,24; 46] и рубежа эр из Ново-Филипповки [53, с. 226, табл. III, 1], а также изделия I – первой половины III вв. н.э. из Подкумка и Острого Мыса (табл. VII,3,4) [22, с. 138, 160, рис. 52,15; 63,5,6]. С кувшинами из Золотого и Дружного сопоставимы находки из погребений III-I вв. до н.э. и I – начала II вв. н.э. Нижнего Джулата (табл. VII,6,7) [22, с. 42, 134, рис. 9,27; 49,19,20], а также конца IV – начала V вв. н.э. из некрополя Танаиса [54, с. 50, табл. XVIII,2]. Кувшины варианта С2 помещали в погребения I – начала II вв. н.э. Подкумского могильника (табл. VII, 13) [22, с. 134, рис. 49,17].

Тип 5. (7 экз.). С расширенным в средней части округло-биконическим туловом.

Подтип 2. (6 экз.). С туловом средних пропорций и средней высоты усеченно-коническим горлом. Представлен кувшинами второй половины III-IV вв. н.э. с невыделенным дном и на скрытом кольцевом поддоне из грунтовых могил Дружного (табл. VIII, 5) [16, с. 342, рис. 11,2; 8, с. 24, 29, 64, рис. 122,2; 157,4], скопления сосудов и подбойной могилы Нейзаца (табл. VIII,2,3), а также из склепа IV-VI вв. н.э. некрополя Сиреневая бухта (табл. VIII, 1) [55, с. 34, рис. 55,4] и подбойной могилы V-VII вв. н.э. Скалистинского могильника (табл. VIII, 6) [49, с. 125, 192, рис. 90,28].

Подтип 3. С вытянутым туловом и низким гиперболоидным горлом. Представлен сосудом с невыделенным дном из некрополя конца II – первой половины III вв. н.э. Скалистое III (табл. VIII, 7) [56, с. 136, рис. 2,4].

Наибольшее сходство с сосудами подтипа 2 имеют кувшины из погребения II – первой половины III вв. н.э. могильника Нижний Джулат (тоже на скрытом кольцевом поддоне) (табл. VIII, 4) [22, с. 158, рис. 61,1] и некрополя Танаиса [54, с. 82, табл. XVII,4]. Изделия этого же времени, подобные подтипу 3, встречены в могильнике Острый Мыс (табл. VIII, 8) [22, с. 158, рис. 61,14].

КОВШИ (9 экз.)

Тип 1. (7 экз.). С эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости и усеченно-коническим горлом. Представлен сосудами III в. н.э. с выделенным и невыделенным дном из поселения Семеновка (табл. IX, 6, 8, 10) [37, с. 19, 51, рис. 13,1; 22,11; 41,8], а также из склепов IV в. н.э. Озерного III (табл. IX, 1, 2) [14, с. 244, рис. 5,14,15] и Дружного (табл. IX, 5, 11) [3, с. 92, 97, рис. 11.1; 16, с. 351, рис. 15,15; 8, с. 28, 62, 70, рис. 146,3].

Типологически близкая посуда входила в состав инвентаря погребений III-I вв. до н.э. – II-III вв. н.э. Черема (табл. IX, 3, 7, 9, 12) и III-IV вв. н.э. Алхан-Калы (табл. IX, 4) [22, с. 47-49, 138, рис. 13,25, 52,10,12,13; 20, с. 10, 17, 110, рис. 67,5].

Тип 2. Со сферическим туловом и усеченно-коническим горлом. Представлен асимметричным изделием с выделенным дном из подбойной могилы некрополя Дружное, суммарно датируемой второй половиной III-IV вв. н.э. (табл. X, 1) [16, с. 351, рис. 15,16; 8, с. 25, 62, рис. 132,4].

Подобная посуда известна в погребениях I – начала II вв. н.э. Подкумского и Чегемского могильников (табл. X, 2, 3) [22, с. 141, рис. 53,23,25].

Тип 3. С расширенным в верхней части приземистым овалоидным туловом и усеченно-коническим горлом. Сосуд с утраченной ручкой и выделенным дном найден в склепе второй половины IV в. н.э. Дружного (табл. X, 4) [32, с. 259, рис. 148,10; 16, с. 351, рис. 15,11; 8, с. 37, 62, 72, рис. 210,5].

Однотипные ковши I – начала II и конца III – начала IV вв. н.э. встречены в могильниках Подкумок (табл. X, 5) и Кишлек (табл. X, 6) [20, с. 92-93, 112, рис. 63,11; 68,20].

КОРЧАГООБРАЗНЫЙ СОСУД

К данной категории причислен сходный с кувшинами сосуд без ручки, имеющий эллипсоидное тулово, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости, невыделенное дно и высокое гиперболоидное горло. Он найден в могиле IV в. н.э. некрополя Суворово (табл. VIII,9) [47, с. 108, рис. 59].

Сравнимые экземпляры известны на территории Азиатской Сарматии [52, рис. 9,29,30] и в погребении I – начала II вв. н.э. Подкумского могильника (табл. VIII, 10) [22, с. 138, рис. 51,11].

* * *

Достаточно широкое время бытования крымской ЛК, имеющей северокавказское происхождение позволяет разделить ее на несколько хронологических групп. Самая ранняя из них, относящаяся к I-II вв. н.э. и иллюстрирующая начальный этап распространения в Крыму образцов кавказской керамики, включает кружки типов 2 (вариант А) и 3 (вариант А) с низкопосаженными ручками из Неапольского могильника и сарматского подкурганного захоронения в Присивашье, а также кувшины типов 1 (подтип 3) и 4 (вариант А2) из некрополей Золотое и Неапольского (5 экз.). Эта посуда, не имеющая местных корней, обнаруживает прототипы только на Северном Кавказе и тесно примыкает к значительно более представительной группе сарматской ЛК [35, с. 11, 13]. По всей видимости, носителями или изготовителями посуды северокавказского облика также являлись сарматы, прежде обитавшие в Предкавказье. Их инфильтрация на полуостров происходила двумя путями. Первоначально, оказавшись в европейских владениях Боспорского царства, часть сарматов здесь и осталась, внедрившись в среду боспорян, а другая продвинулась на земли позднескифского государства и влилась в число жителей его столицы. Иной маршрут маркирует находка присивашской кружки. Ее местонахождение (территория, не принадлежавшая ни Боспору, ни Крымской Скифии), а также единственный характер (ни в Крыму, ни в степях к северу от него такие сосуды больше неизвестны) свидетельствуют о том, что эта кружка была изготовлена в Предкавказье и появилась на полуострове в результате переноса готового изделия во время непродолжительного пребывания здесь одной из сарматских группировок. По мнению авторов раскопок кургана у с. Емельяновка, она проникла не через Боспор, а через Перекопский перешеек из района Приднепровья–Приазовья [45, с. 174-175].

Таким образом, в I-II вв. н.э. одни коллективы сарматских мигрантов с Северного Кавказа инкорпорировались в боспорский и позднескифский этнокультурные массивы, а другие, учитывая подкурганый комплекс в Присивашье, проживали обособленно. Возможно, это отражает как племенную неоднородность сарматов, так и их различные отношения с боспорянами и поздними скифами. В целом, можно констатировать мирное сосуществование сарматов с представителями двух названных этнических групп, что подтверждается не только наличием сарматской ЛК на боспорских и позднескифских памятниках, но и их ощутимой общей сарматизацией в это время.

Заметно увеличившаяся группа кавказской ЛК второй половины II – середины III вв. н.э. репрезентована кружками типов 1, 2 (вариант В), 3 (вариант С), 4 (варианты В и С), кувшинами типов 1 (подтип 3), 2, 5 (подтип 3) и ковшом типа 1 (22 экз.), которые происходят из поселений Семеновка, Тиритака и Илурат, а также могильников Фронтное II, Ново-Отрадное, Неапольского, Скалистое III и Бельбек IV. Основная часть сосудов (16 экз.) обнаружена на Боспоре и всего 6 – на памятниках Крымской Скифии, включенной к тому времени в состав Боспорского царства [65, с. 126]. Примечательно, что только неапольская кружка типа 2, правда, варианта А, а также кувшин из некрополя Золотое были найдены в погребениях I-II вв. н.э., тогда как вся прочая посуда представлена впервые, что, вероятнее всего, отражает приход в Крым новой переселенческой волны из Предкавказья. Примерно в половине случаев эта посуда снабжена низкопосаженными ручками,

указывающими на принадлежность ее изготовителей к сарматскому миру. В основном, северокавказские сарматы вливались в массив боспорян и, в меньшей степени, поздних скифов, проживая на одних с ними поселениях и хороня своих умерших на одних с ними могильниках. Вместе с тем, какие-то кланы или общины этих сарматов, проникавшие в предгорья юго-западной части полуострова, предпочитали селиться отдельно, на местах, незанятых поздними скифами, продолжая вести привычный для них, достаточно подвижный образ жизни. Судить об этом, на основании нынешнего состояния изученности, позволяют материалы могильника второй половины II – середины III вв. н.э. Скалистое III. Он не связан с каким-либо поселением и, в целом, имеет сарматский характер (погребальные сооружения, обряд и инвентарь) с отдельными позднескифскими (забивка входных ям могил камнями), а также германскими (наличие кремаций) чертами [56]. При этом ЛК из Скалистого III, помимо “этнически нейтральной”, представлена исключительно северокавказскими формами.

Следует сказать, что с сарматами этой волны связана закладка некрополей Дружное, Нейзац, Перевальное, Суворово [33; 63; 8, с. 78-79; 64, с. 22; 47, с. 108] и некоторых других. Время их существования еще недавно определялось второй половиной III-IV вв. н.э., однако выяснилось, что они имеют два хронологических горизонта погребений, ранний из которых датируется второй половиной II – первой половиной III вв. н.э. Первые захоронения этих памятников совершались в подбойных, а также грунтовых могилах и, в единичных случаях, как показывают раскопки последних лет некрополя Нейзац, – в Т-образных склепах с дромосами, сооруженных в первой половине III столетия. На основании их конструктивной близости катакомбам Северного Кавказа, высказано мнение о том, что в составе сарматов, проникших на полуостров в конце II – начале III вв. н.э., находился и ограниченный аланский анклав.⁵ Подкрепить это предположение могли бы находки соответствующей центрально-кавказской посуды, однако в ранних комплексах указанных могильников ЛК отсутствует, а гончарная представлена отдельными экземплярами античной краснолаковой.

После событий 50–60-х гг. III в. н.э., связанных с началом “готских походов”, ЛК северокавказского облика, отнесенная к хронологической группе второй половины III-IV вв. н.э., достигла своего максимума: кружки типов 1 (подтипы 1 и 2), 2, 3 (вариант С), 4 (варианты В и С), 5 (варианты А и В); кувшины типов 1 (варианты А1, В2, С1 подтипа 2 и подтип 3), 2-4, 5 (подтип 2); корчагообразный сосуд; ковши типов 1-3 (77 экз.). Почти вся она происходит из могильников Центрального (Дружное, Нейзац) и Юго-Западного (Инкерман, Озерное III, Суворово, Совхоз №10, Мангуш) Крыма, тогда как всего по одному сосуду найдено на Боспоре (Заморское) и впервые – в Херсонесе. Причем, эта ЛК встречена не только в склепах, она обнаружена в подбойных и грунтовых могилах, а также вне погребальных сооружений – в скоплениях сосудов. За исключением кружек типа 1, 2 (вариант В), 3 (вариант С) и 4, а также кувшинов типов 1 (подтип 3) и 2, представленных ранее, главным образом, на памятниках Боспора, набор остальной посуды изменился.

Резкий количественный рост и расширение ассортимента изделий данной культурной группы трудно объяснить иначе, кроме как активной миграцией в Крым изготовлявшего их предкавказского населения. Его принадлежность условно может быть признана аланской, исходя из преобладающей в современной историографии точки зрения, что в III-V вв. н.э. на Северном Кавказе происходило становление тех этнических групп, которые считаются предками средневековых алан [20, с. 5, 137-158]. Подчеркнем при этом, что вопрос о реальном этническом содержании термина “аланы” остается открытым. В глубинные районы полуострова аланы пришли с территории Боспорского царства [4, с. 299; 16, с. 352, 354; 35, с. 18, 19; 8, с. 77, 79], где они пробыли не очень продолжительное,

⁵ Подробно об этом см. статью И.Н.Храпунова в данном сборнике.

но вполне достаточное время, за которое их керамический комплекс трансформировался и приобрел новации. Мигранты селились там, где в конце II – первой половине III вв. н.э., как уже говорилось, обосновались сарматы, что, возможно, объясняется присутствием среди них алан первой волны, которые способствовали обустройству своих новоприбывших соплеменников. Какая-то, видимо не очень большая часть алан проникла и в Херсонес [4, с. 299], о чем может свидетельствовать всего один происходящий отсюда орнаментированный кувшин типа 1 (подтип 2, вариант В2).

Вторжение алан и готов явилось причиной окончательной гибели поселений поздних скифов, после чего на полуострове происходила постепенная нормализация обстановки. Она сопровождалась этнической интеграцией алан, сарматов, германцев и остатков местного позднескифского населения при нивелирующем воздействии позднеантичной культуры. Очевидно, этот процесс и привел к формированию в Крыму уникального набора посуды, столь ощутимо разнящегося с северокавказским. Примечательно, что и в крымской ЛК из разных памятников второй половины III-IV вв. н.э. не наблюдается полного тождества. С одной стороны, она демонстрирует общее сходство, а с другой – некоторое отличие форм и декора, что позволяет усматривать в этом локальные производственные традиции, а возможно, и разную родо-племенную принадлежность изготовлявших ее мастеров, а также тех коллективов, которые пользовались их продукцией.

В конце IV в. н.э. в связи с угрозой нашествия гуннов или по причине их появления на полуострове, население Центрального Крыма ушло со своих мест обитания, прекратив использовать некрополи Дружное, Нейзац и Перевальное. Оно переместилось в более безопасные районы Главной гряды Крымских гор, где возникли новые раннесредневековые могильники Скалистинский, Лучистинский, Суук-Су с такими же погребальными сооружениями и сходной ЛК [4, с. 299; 33, с. 91]. Среди этой керамики также имеются изделия, генетически связанные с Предкавказьем, которые вошли в последнюю хронологическую группу V-VII вв. н.э.: кружки типа 5 (вариант В), а также кувшины типов 1 (подтип 3), 4 (вариант С) и 5 (подтип 2) – всего 9 экземпляров. Их уменьшение объясняется, с одной стороны, угасанием в это время практики изготовления ЛК вообще, а с другой – отходом от традиции помещать в могилы большое количество посуды. Основная часть аланского населения была сконцентрирована в Юго-Западном Крыму, однако находка кувшина типа 5 (подтип 2) в склепе IV-VI вв. н.э. некрополя Сиреневая бухта, позволяет говорить о вхождении его представителей в число жителей сельских поселений позднеантичного Боспора.

Итак, при всей самобытности крымского и северокавказского керамических комплексов, рассмотренные изделия, тем не менее, наглядно демонстрируют присутствие среди ЛК Крыма образцов, выполненных в довольно точном соответствии с традициями населения Центрального Предкавказья. Крымские и северокавказские сосуды объединяет не только морфология (форма тулова и горла, наличие скрытого кольцевого поддона) и использование отдельных видов орнаментации (вертикальные врезные линии на тулове кувшинов)⁶. Их сближает также и применение такого технологического приема как крепление ручек к тулову сосудов при помощи шипа. Не случайно, видимо, и то, что практически всю нашу коллекцию составляют кружки и кувшины – те категории посуды, которые до IV в. н.э. в Крыму были не очень многочисленны, но традиционно являлись одними из самых массовых на Кавказе. Появление и бытование на полуострове ЛК северокавказского облика в I-II – начале III вв. н.э. было связано с проникновением сарматских племен, а ее широкое распространение и сохранение традиции изготовления

⁶ Сопоставление всех видов декора и художественно-стилистических особенностей зооморфных ручек (разнообразные выступы, схематичные и реалистичные скульптурки на их верхнем изгибе, а также рельефные отроски от их концов, имитирующие лапы и хвост животных) посуды Крыма и Северного Кавказа, выходит за рамки данной работы.

до V-VII вв. н.э. обусловлено переселением в Крым алан во второй половине III столетия. В дальнейшем, наряду с другими этническими компонентами, аланы приняли участие в формировании раннесредневековой крымской народности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
2. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
3. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
4. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
5. Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднееримский период и раннее средневековье). Киев, 1990.
6. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
7. Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995.
8. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). Lublin, 2002.
9. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
10. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи "готских походов" (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
11. Казанский М. О германских древностях позднееримского времени в Крыму и Приазовье // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.
12. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
13. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского гос. ун-та. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
14. Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 4.
15. Ушаков С.В. О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III – первой половины IV вв. как источнике по этнической истории региона (к постановке проблемы) // ХСб. 1998. Вып. IX.
16. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III-IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
17. Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии. М., 2000
18. Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
19. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.
20. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М., 1997.
21. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1989.
22. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
23. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.
24. Бобринский А.А. Методика изучения организационных форм гончарных производств // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
25. Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
26. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь: Пер. с англ. М., 1990.
27. Словник-довідник з археології. Київ, 1996.
28. Клейн Л.С. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л., 1979.
29. Веймарн Е.В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

30. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
31. Храпунов И.Н., Мульд С.А., Хайрединова Э.А. Исследование позднееримского могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
32. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
33. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Население Центрального Крыма в IV в. н.э. по материалам могильников // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым". Симферополь, 1997.
34. Храпунов И.Н., Власов В.П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
35. Власов В.П. Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами ліпної кераміки) / Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04 / Ін-т археології НАН України. Київ, 1999.
36. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М., 1966.
37. Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970.
38. Арсеньева Т.М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970.
39. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. М., 1991. Вып. Д1-7.
40. Корпусова В.М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 1972. Вип. 6.
41. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
42. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
43. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983.
44. Корпусова В.М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. Вип. 8.
45. Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Запорожье, 1998.
46. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII.
47. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
48. Айбабин А.И., Мульд С.А., Хайрединова Э.А. Исследование раннесредневекового могильника у с. Лучистое // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
49. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
50. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV в. н.э. Киев, 1982.
51. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 1983.
52. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
53. Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
54. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
55. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.
56. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в. Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. 1976. № 4.
57. Аржанцева И.А., Деопик Д.В. Зилги – городище начала I-го тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (Археологические источники). М., 1989.
58. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.

59. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев. 1993.
60. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
61. Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // МИА. 1971. № 177.
62. Раевский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в.н.э.) // ВДИ. 1973. № 2.
63. Храпунов И.Н. Нейзац – могильник позднеримского времени в Центральном Крыму // Тез. докл. науч. конф. “Проблемы истории и археологии Украины”. Харьков, 1997.
64. Пуздровский А.Е. Работы Симферопольской экспедиции // Вестник краеведа. Запорожье, 1991. №2.
65. Зубар В.М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. №1.
66. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М., 1989.
67. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990.
68. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. М., 1993.

VLASOV V. P.

NORTH-CAUCASIAN PARALLELS IN HAND-MADE CERAMICS OF THE CRIMEA OF THE ROMAN AND EARLY MEDIEVAL TIMES

Summary

Moulded pottery from the settlements and necropolises of the Crimea is considered in this article; its wide spreading is connected with the migration of the North Caucasian Alans to the peninsula in the 3rd century AD. Comparative analysis of morphology, ornamentation and technological peculiarities of vessels of different categories (mugs, jugs, ewer-shaped vessel, dippers, scoops, goblets) and their space – period distribution enable us to draw the following conclusions.

The initial period of the penetration of the patterns of North Caucasian ceramics dates back to the turn of the eras. It is connected with the infiltration of the Sarmatians not from the territory of the Bosphorus Kingdom but from the north – from the regions of the Dnieper – Azov through the Perekop isthmus.

Users and manufacturers of pottery of the North Caucasian provenance dating back to the end of the 1st – mid-3rd centuries AD were the Sarmatian but population previously having roamed from place to place in the Kuban region and Central Fore Caucasus. Probably, they were the Alans who moved into deep districts of the peninsula across Bosphorus. They mainly became a part of the late Scythians, but some tribes, clans and communities of the Sarmatians preferred to settle separately.

For the mid-3rd – 4th centuries AD there was noticeable growth and widening assortment of hand-made ceramics of North Caucasian provenance; its collection changed completely in comparison with the one from the previous period. The analysis of it shows that the majority of the barbarian population of the Crimea in that period was the tribes that had previously dwelled in the Northern Caucasus and were identified with the Alans. The Alans came from the territory of the Bosphorus Kingdom where they had lived for a certain period; during that time their ceramic complex acquired some new specific features. At the end of the 4th century AD with the threat of the Huns' invasion or, perhaps because of the appearance on the territory of the peninsula, the population of the Central Crimea left the places of their dwelling. They settled in more secure regions in the Main ridge of the Crimean mountains where new early-medieval necropolises of Skalistoye, Luchistoye and Suuk-Su appeared; in their burials they put hand-made pottery typical for the Alans.

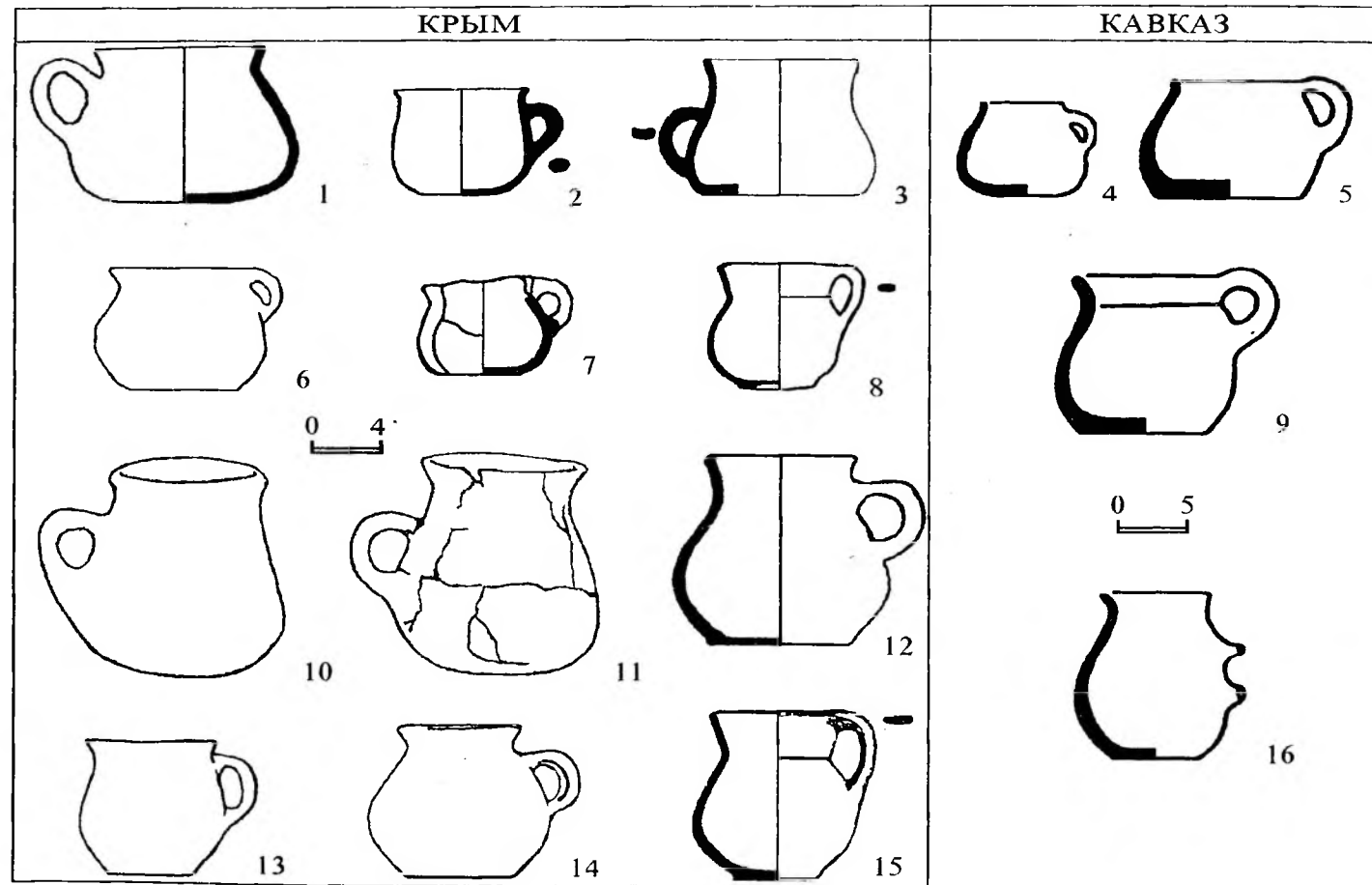

Табл. I. Кружки типа 1 (1-9 – подтип 1; 10-16 – подтип 2).

КРЫМ: 1,2 – Семеновка (1 – пом.12; 2 – пом.2 [по: 37]); 3 – Ново-Отрадное (мог.36 [по: 38]); 6 – Мангуш [по: 39]; 7,8,15 – Дружное (7 – склеп №3; 8,15 – склеп №58 [по: 8]); 10,11 – Фронтное II (10 – мог. №59; 11 – тризна №33 [по: 40]); 12 – Тиритака [по: 41]; 13 – Бельбек IV [по: 39]; 14 – Неаполь [по: 39].

КАВКАЗ: 4,5 – Черем (4 – п.132; 5 – п.50 [по: 22]); 9,16 – Подкумок (9 – п.37(1); 16 – п.40 [по: 22]).

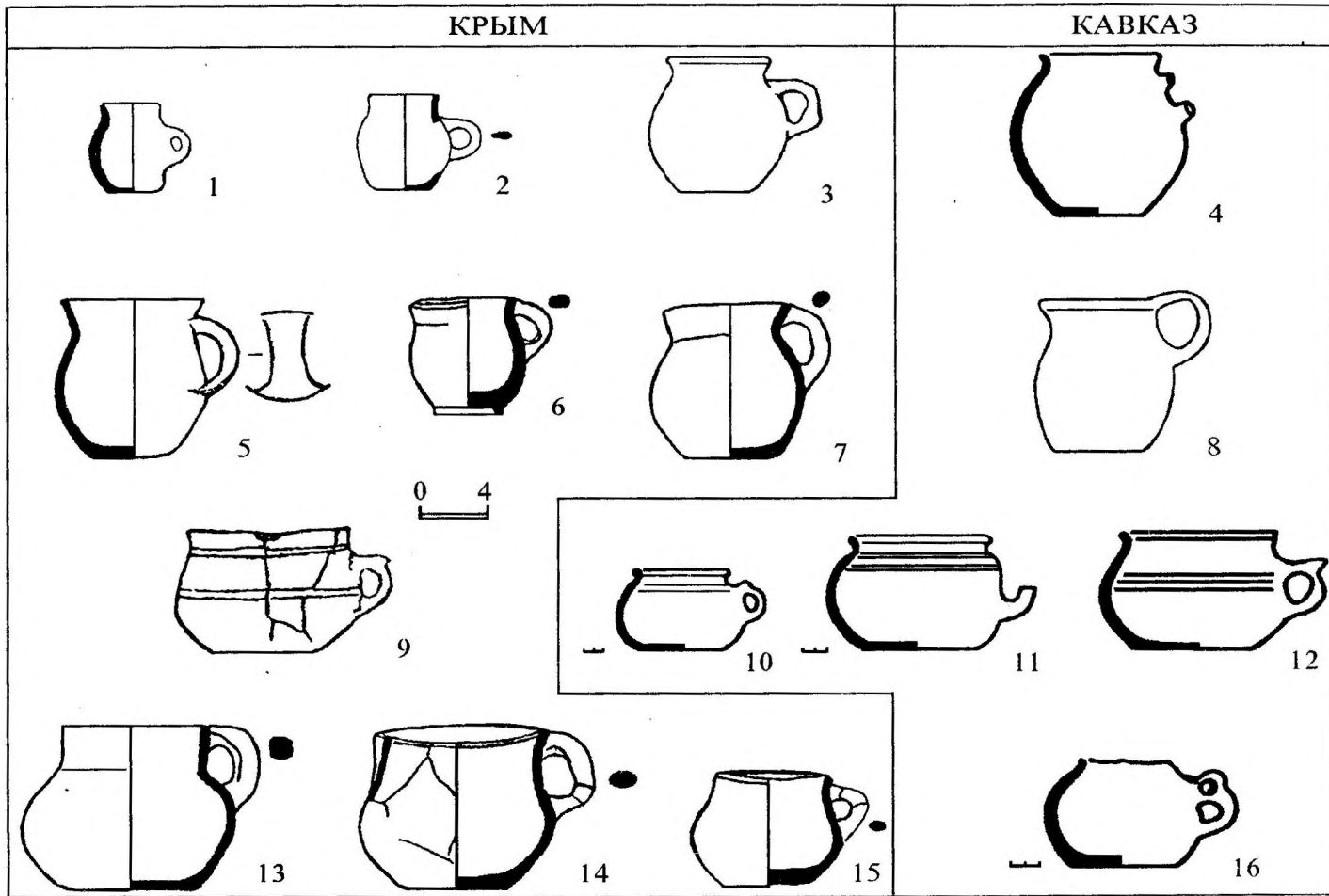

Табл. II. Кружки. 1-8 – тип 2 (1-4 – вариант А; 5-8 – вариант В); 9-16 – тип 3 (9-12 – вариант А; 13-16 – вариант С).

КРЫМ: 1,2 – Неаполь (1 [по: 42]; 2 – мог. №53 [по: 43]); 3 – Скалистое III [по: 39]; 5,6,13-15 – Дружное (5 – мог. №55; 6,14 – склеп №81; 13 – склеп №85; 15 – мог. №73 [по: 8]); 7 – Нейзац (мог. №15); 9 – курган у с. Емельяновка (п.15 [по: 45]).

КАВКАЗ: 4 – Ханкала (п.70 [по: 22]); 8 – Хумара [по: 20]; 10-12 – Чегем (10 – п.27; 11 – п.31; 12 – п.59 [по: 22]); 16 – Подкумок (п.6 [по: 22]).

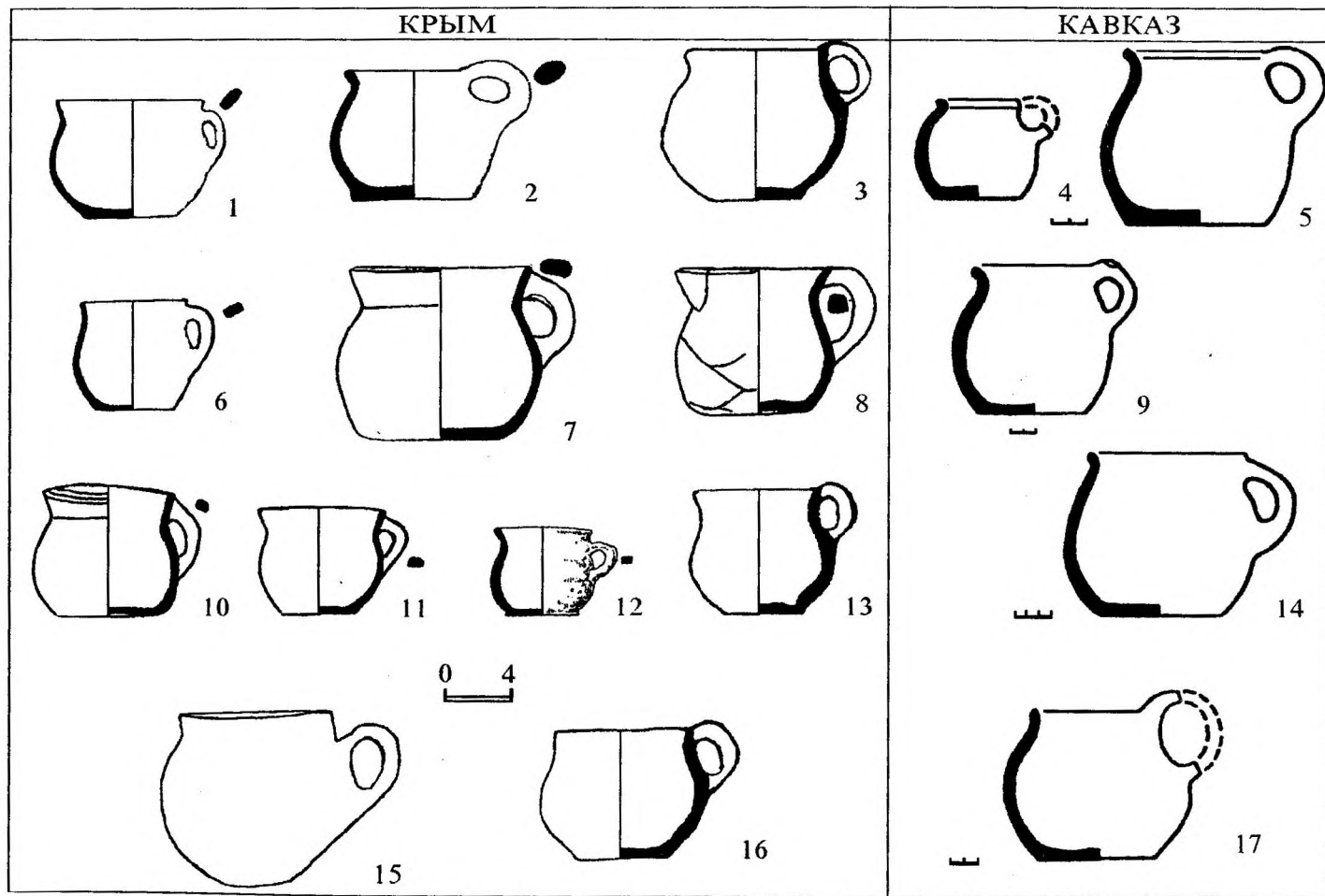

Табл. III. Кружки типа 4 (1-14 – вариант В; 15,16 – вариант С).

КРЫМ: 1,2,6-8,10,11 – Дружное (1 – скопление сосудов над склепом №39; 2 – мог. №15; 6 – склеп №21; 7 – мог. №73; 8 – склеп №64; 10 – склеп №66; 11 – склеп №76 [по: 8]); 3,13,16 – Озерное III (3 – мог. 1; 13 – склеп 2; 16 – п/6 мог. [по: 14]); 12 – Илурат [по: 41].
 КАВКАЗ: 4,14 – Чегем (4 – п.23; 14 – п.47 [по: 22]); 5,9 – Подкумок (5 – п.12; 9 – п.32 [по: 22]); 17 – Острый Мыс (п.10 [по: 22]).

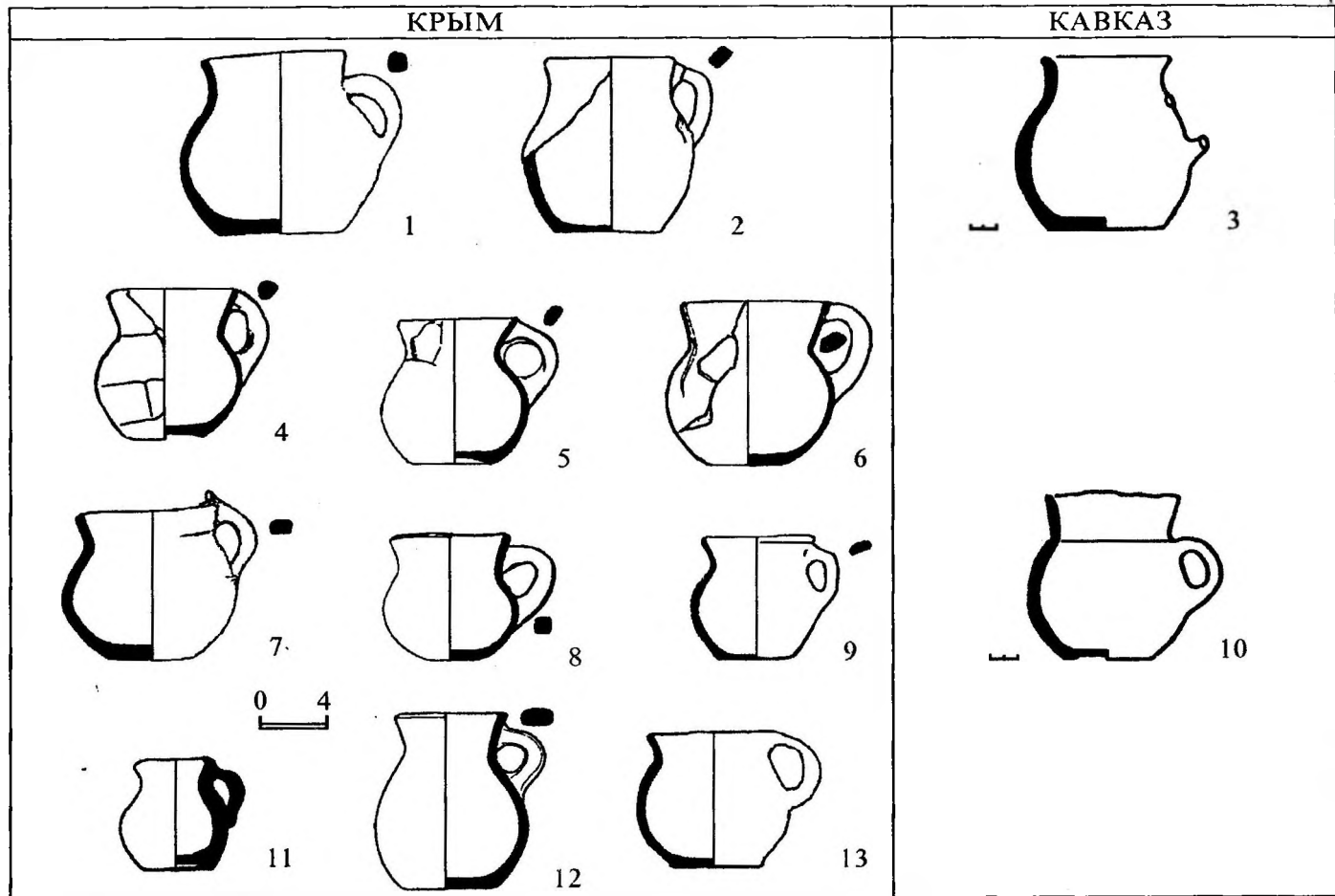

Табл. IV. Кружки типа 5 (1-3 – вариант А; 4-13 – вариант В).

КРЫМ: 1,2,7-9 – Дружное (1 – мог. №45; 2,9 – склеп №18; 7 – мог. №61; 8 – склеп №3 [по: 8]); 4-6 – Нейзац; 11 – Инкерман (мог. №24(26) [по: 46]); 12 – Лучистое (склеп №75 [по: 48]); 13 – Скалистое (склеп 421 [по: 49]).

КАВКАЗ: 3 – Нижний Джулат (п.65 [по: 22]); 10 – Поджумок (п.16 [по: 22]).

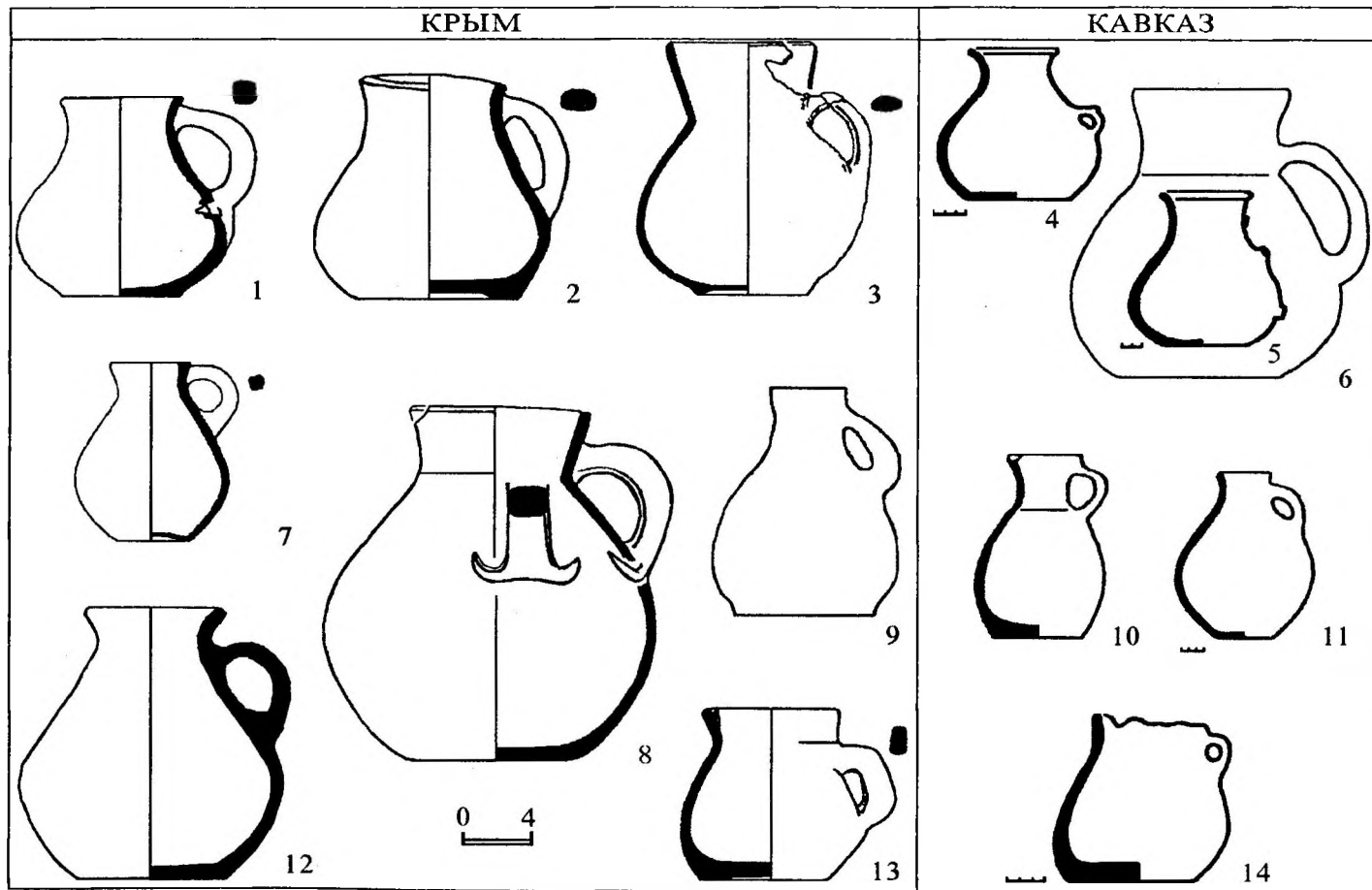

Табл. V. Кувшины типа 1. 1-6 – подтип 2 (1,2,4,5 – вариант А; 3,6 – вариант В; 13,14 – вариант С); 7-12 – подтип 3, вариант В. КРЫМ: 1-3,13 – Дружное (1 – склеп №1/1984 [по: 3]; 2 – склеп №84; 3 – склеп №58; 13 – мог. №42 [по: 8]); 7 – Суворово (мог. №10 [по: 47]); 8 – Нейзац; 9 – Суук-Су (мог. №29 [по: 6]); 12 – Золотое (мог. №46 [по: 51]). КАВКАЗ: 4,14 – Черем (4 – п.116; 14 – п.131 [по: 22]); 5 – Нижний Джулат (п.8 [по: 22]); 6 – Алды [по: 20]; 10 – Подкумок (п.17 [по: 22]); 11 – Суворовская (к.8, п.1 [по: 22]).

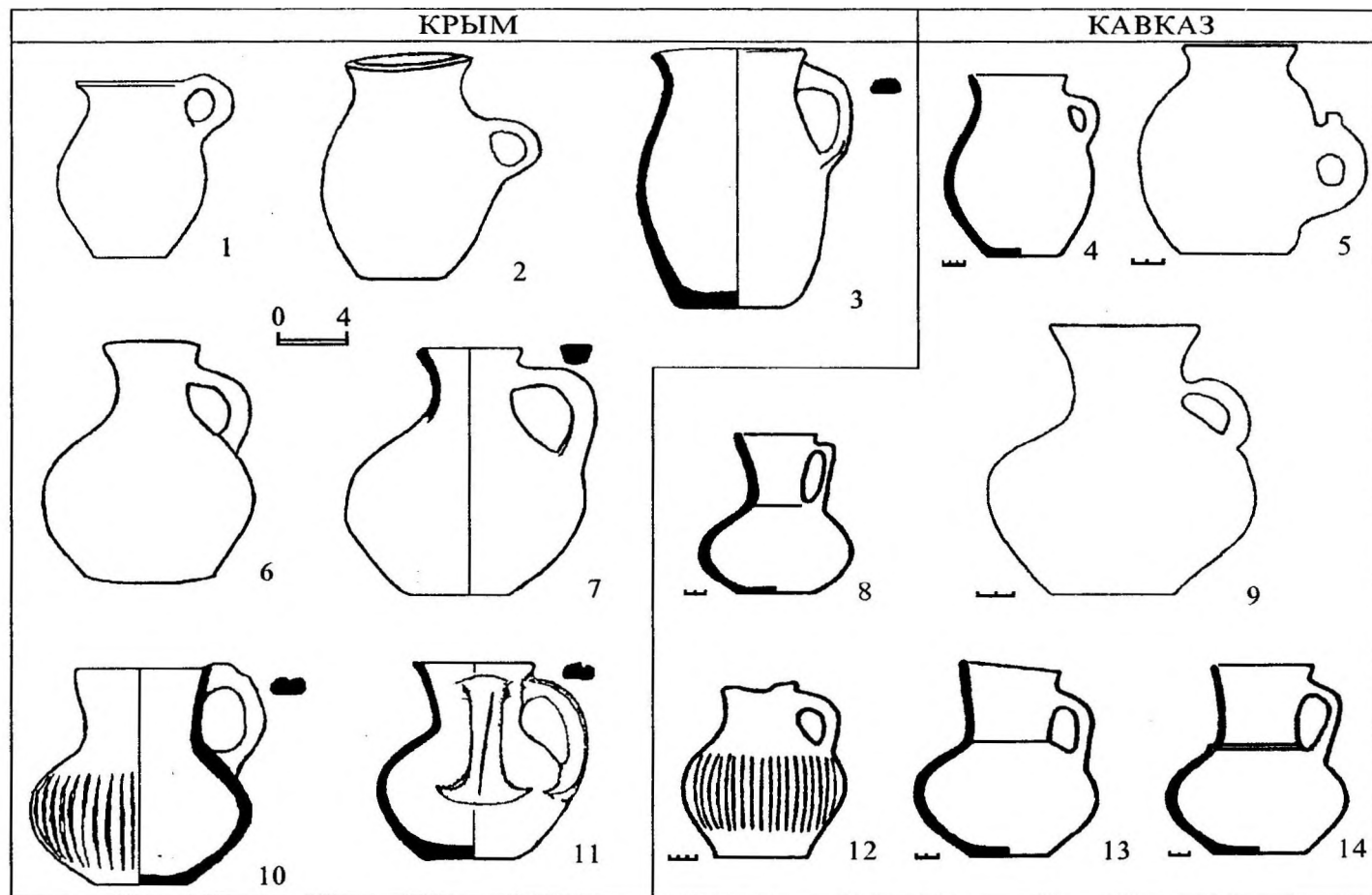

Табл. VI. Кувшины. 1-5 – тип 2; 6-14 – тип 3 (6-9,12 – вариант А; 10,11,13,14 – вариант В).

КРЫМ: 1 – Неаполь [по: 39]; 2 – Совхоз №10 (мог. 11 [по: 5]); 3,6,7,11 – Дружное (3 – мог. №48; 11 – мог. №56 [по: 8]); 6,7 – склеп №1/1984 [по: 3]; 10 – Озерное III (склеп 1 [по: 14]).

КАВКАЗ: 4 – Терская (к.2, п.7 [по: 22]); 5 – Владикавказ [по: 20]; 8 – Чегем (п.129 [по: 22]); 9 – Алды [по: 20]; 12 – Суворовская (к.3, п.2 [по: 22]); 13 – Нижний Джуглат (п.72 [по: 22]); 14 – Железноводск [по: 22].

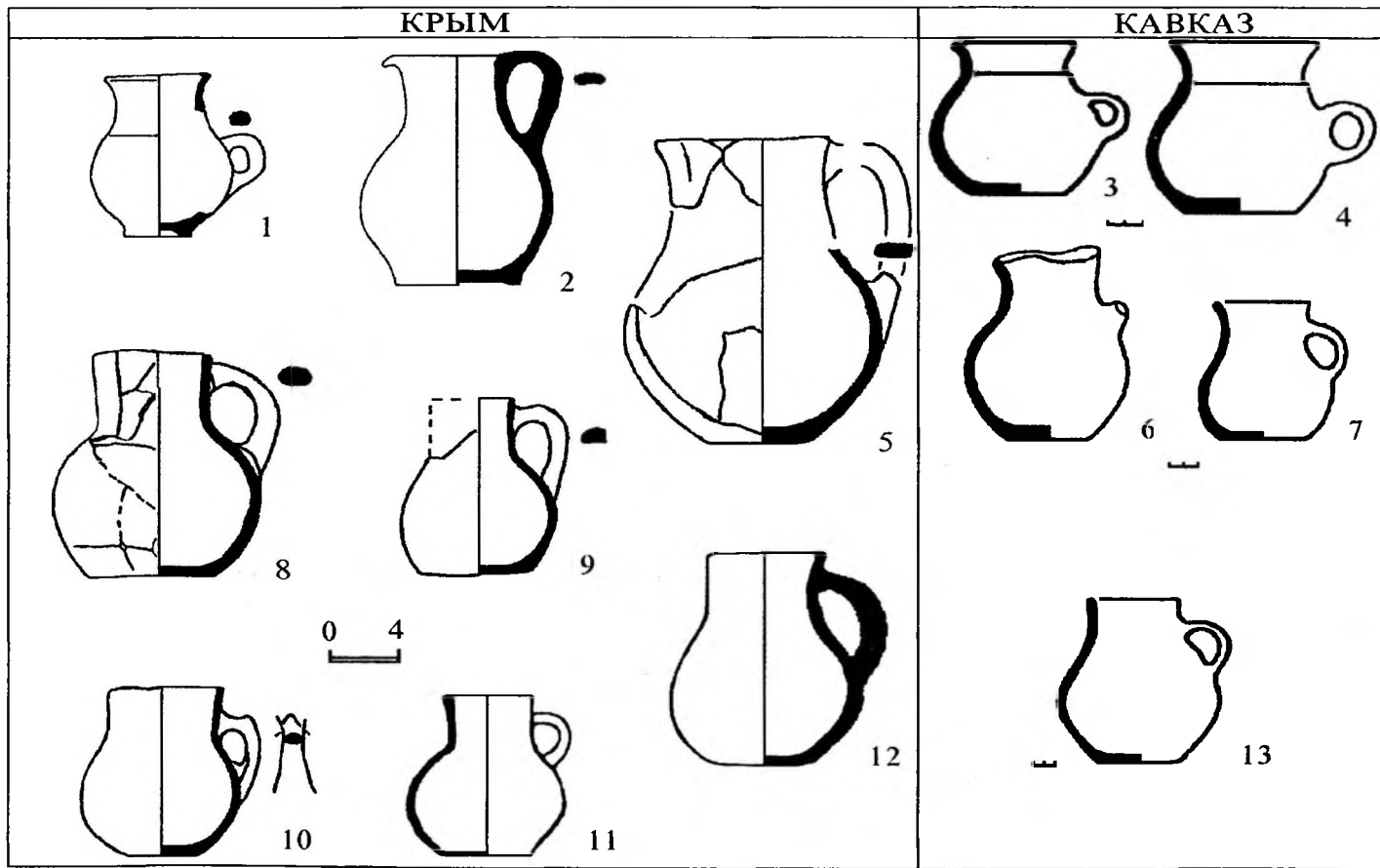

Табл. VII. Кувшины типа 4 (1-7 – вариант А; 8-13 – вариант С).

КРЫМ: 1 – Неаполь (мог. №82 [по: 43]); 2 – Золотое (мог. №93 [по: 51]); 5, 8, 10 – Дружное (5 – склеп №39; 8 – склеп №81; 10 – склеп №66 [по: 8]); 9 – Нейзац; 11 – Скалистое (склеп 421 [по: 49]); 12 – Инкерман (склеп №5(31) [по: 46]).

КАВКАЗ: 3, 4, 13 – Подкумок (3 – п.16; 4 – п.39; 13 – п.37 [по: 22]); 6, 7 – Нижний Джулат (6 – п.22; 7 – п.103 [по: 22]).

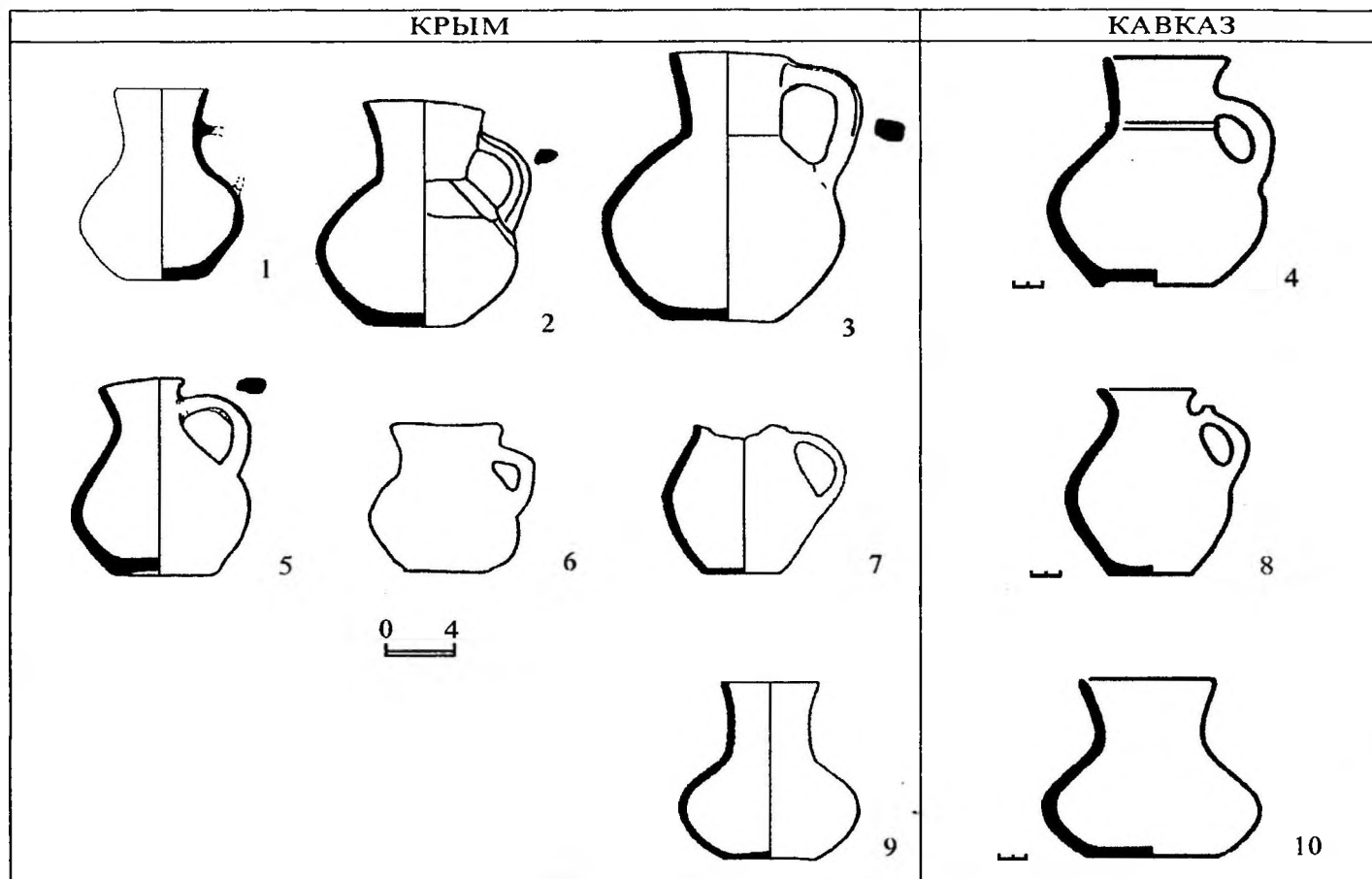

Табл. VIII. Кувшины типа 5 (1-6 – подтип 2; 7,8 – подтип 3). Корчагообразные сосуды (9,10).

КРЫМ: 1 – Сиреневая бухта (склеп №23/11 [по: 55]); 2,3 – Нейзац (2 – скопление сосудов; 3 – мог. №16); 5 – Дружное (мог. №38 [по: 8]); 6 – Скалистое (мог. 490 [по: 49]); 7 – Скалистое III (мог. №2 [по: 56]); 9 – Суворово (мог. №12 [по: 47]).

КАВКАЗ: 4 – Нижний Джулат (п.66 [по: 22]); 8 – Острый Мыс (п.12 [по: 22]); 10 – Подкумок (п.14(2) [по: 22]).

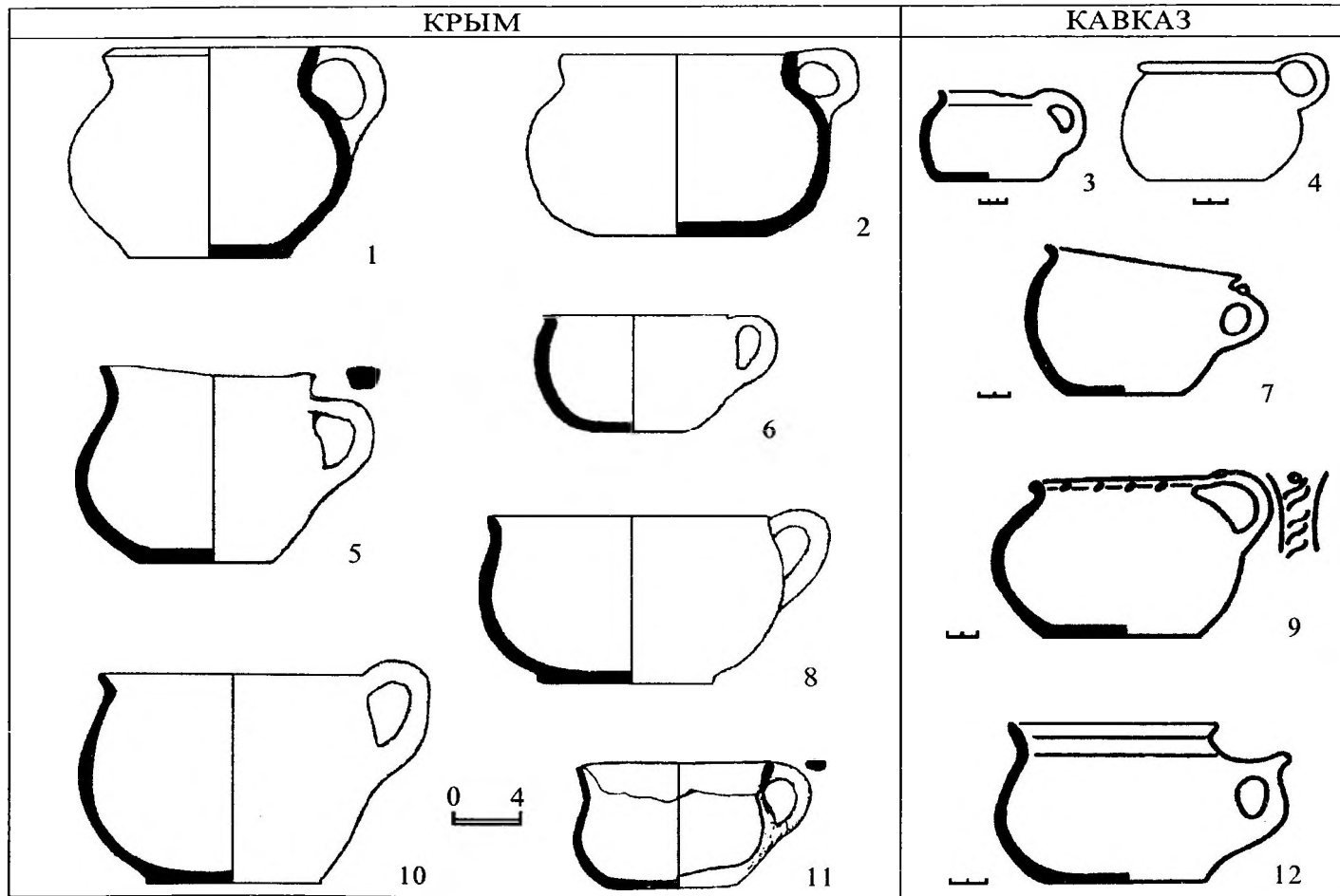

Табл. IX. Ковши типа 1.

КРЫМ: 1,2 – Озерное III (склеп 1 [по: 14]); 5,11 – Дружное (5 – склеп № 1/1984 [по: 3]; 11 – склеп № 59 [по: 8]); 6,8,10 – Семеновка (6 – пом. 27; 8 – пом. 5; 10 – пом. 14 [по: 37]).

КАВКАЗ: 3,7,9,12 – Черем (3 – п.27; 7 – п.110; 9 – п.53; 12 – п.100 [по: 22]); 4 – Алхан-Кала [по: 20].

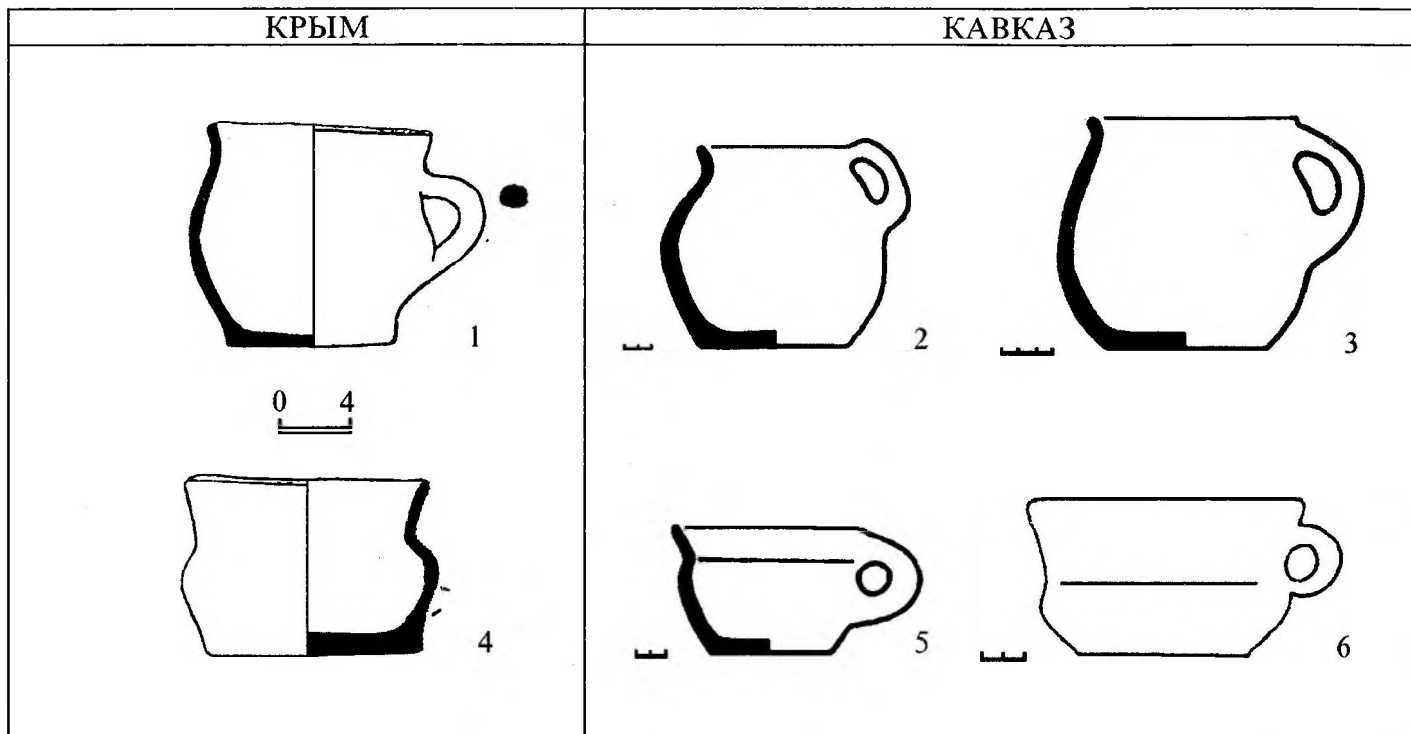

Табл. X. Ковши типов 2 (1-3) и 3 (4-6).

КРЫМ: 1,4 – Дружное (1 – мог. № 45; 4 – склеп № 87 [по: 8]).

КАВКАЗ: 2,5 – Подкумок (2 – п.24; 5 – п.33 [по: 22]); 3 – Черем (п.47 [по: 22]); 6 – Кишпек (к.13 [по: 20]).